

АНАТОЛИЙ
ДРОЗДОВ

С·А·М·Е·Ц
ПРИЧЁСАННЫЙ

Анатолий Федорович Дроздов

Самец причесанный

Серия «Идеальное лекарство», книга 2

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=21633242

Аннотация

Анатолий Фёдорович Дроздов – известный писатель-фантаст. Он работает в разных жанрах, но чаще всего использует приём попадания нашего современника в иной мир или другую историческую эпоху.

Представляем вторую книгу дилогии «Идеальное лекарство» – роман «Самец причёсанный».

Главный герой Игорь Овсянников, молодой перспективный врач, отправляется в командировку в Турцию, но вместо этого оказывается в параллельном мире, населённом людьми-кошками. Шокирующую ситуацию усугубляет то, что здесь царит матриархат. Участь героя – быть рабом, удовлетворяющим малейшие прихоти здешних хозяек жизни. К такой участи попаданец не готов и выбирает борьбу, в которой преуспевает.

Во второй книге нас ждёт продолжение приключений Игоря в мире Пакс, где он получил прозвище Игрр. Жена героя похищена кочевниками, и он отправляется к ним, чтобы вызволить Виту.

Однако по пути сталкивается с ордами воинственных амазонок, которым пока невдомёк, что этот мужчина умеет за себя постоять.

Содержание

1.	5
2.	26
3.	41
4.	67
5.	88
6.	112
Конец ознакомительного фрагмента.	126

Анатолий Дроздов

Самец причесанный

1.

Игорь Овсянников, паладин. Задумчивый

Степь... Бескрайний оком, хорошо различимый с седла. Застывшее море сухой травы – в Паксе зима. Высокие стебли достигают шеи лошади, отчего кажется, что та не идет, а плывет в грязно-серых водах. Раздвигаемые грудью кобылки стебли шуршат, пыльная труха осыпает круп и мои сапоги. Под этот шорох хорошо думается...

Мое имя Игорь Овсянников. Я врач, полгода назад польстившийся на заманчивое предложение работы за рубежом. В результате меня привезли в Турцию и переправили в Пакс – параллельный мир, где обитают племена людей-кошек. Они называют себя «нолы» и «сармы». Сармы – кочевники, вроде исчезнувших половцев в нашем мире, нолы ведут оседлую жизнь. Эти племена – непримиримые враги. Две тысячи лет назад в Пакс пришел легион Римской империи, который романизировал нол. Они говорят на латыни, имеют общественное устройство, скроенное по римскому образцу. У них города, армия и сенат. Их столица и само государство называется Рома. Но, в отличие от Римской империи, в

Паксе матриархат, а аборигены имеют хвосты – как мужчины, так и женщины. На привлекательности местных красавиц это, впрочем, не сказывается. Поверьте человеку, женатому на ноле. Красавице, умнице, воительнице – самой лучшей женщине в обоих мирах. Моей Виталии...

Ладно, это я отвлекся. Тысячу лет назад расы в Паксе разделились. Нолы выселили потомков римлян в отдельные города, как некогда американцы индейцев – в резервации. Случилось это после кровопролитной гражданской войны. Люди в Паксе стали гражданами второго сорта. Они строили города, ковали оружие, ваяли статуи и вели акведуки, обустривая и развивая государство, которым правили нолы. Они брали с людей налог кровью. Но не в том смысле, что вы подумали. Мужчин забирали в храм Богини-воительницы, где заставляли сдавать сперму. Это насущная потребность Ромы – без человеческих генов она обречена. Чистокровные нолы живут всего двадцать лет. Они мохнатые, с кошачьими лицами и длинными хвостами. В Роме они на положении рабочего скота – сеют, пашут, копают, прислуживают... Элита государства – метисы с человеческой кровью. Чем ее больше, тем дольше нола живет, и тем выше ее статус в обществе. Самый высокий он у комплет – их предки беременели от людей не менее четырех раз. Принцепс Рома Флавия – комплета. К слову, обычная земная девчонка, хотя хвостик у нее все же имеется – видел, когда делал массаж. Ступенью ниже стоят треспарты – у них человеческой крови не менее трех

четвертей. На вид – обычные человеческие женщины, только с хвостиками. У Виталии он до колена. Очень красивый, с кисточкой. Жене очень нравится, когда я его глажу: она закрывает глаза и прямо мурлычет. Снова меня повело... Вернемся к нолам.

Полукровок-метисов зовут димидиями, они основа служивого сословия Ромы. Костяк ее армии, пушечное мясо. Выбиться в офицеры димидии трудно, а стать магистратом, то есть выборным начальником, и вовсе не светит – не пустят. Поэтому есть стимул улучшать кровь, поднимаясь по социальной лестнице. За этим идут в храмы Богини-воительницы, где желающих осеменяют, как у нас коров на фермах. Так нола рождает димидию, димидия – треспарту, а треспарта – комплету. От людей у нол рождаются только девочки, мальчики появляются лишь в традиционных для нол семьях: один хвостатый самец на полдесятка самок. Мальчики, ясен пень, хвостатые и пушистые. Есть еще такое недоразумение, как кварталы – нолы с четвертью человеческой крови. Говорят, они рождаются от димидий и треспарт, переспавших с нолой-мужчиной. Положение у квартал как у низших нол – их даже в армию не берут. В то же время они сообразительны и легко обучаются. Мой проводник и переводчик в этом путешествии – кварта Санейя. Я зову ее «Сани».

Пакс застыл в античности. Ничего удивительного. Затерянные племена на Земле тоже не развиваются. Некоторые до сих пор пребывают в каменном веке. Когда нет стиму-

ла, прогресс замирает. Выходцы из моего мира не привнесли в Пакс цивилизацию. Почему? Долгая история. Но спешить мне некуда, расскажу.

После разделения рас нола и люди жили мирно. А тридцать лет назад в Паксе случилась трагедия: люди вымерли. Это стало следствием странной эпидемии. Беда совпала с появлением в Паксе могущественной фармацевтической корпорации из моего мира – FAGG. Поначалу ее встретили неласково, но позже FAGG с нолами пришла к соглашению. За право жить и работать в Паксе корпорация возит нолам мужчин. Ее вербовочные пункты завлекают лохов по всему миру. Теперь понятно, как я сюда попал? Землян-мужчин в Паксе мало – сотни три. Нол – почти два миллиона. Сколько сарм – никто не считал. Самцы у кочевниц свои – фармацевты им мужчин не возят. Из-за этого сармы пытаются мужчин захватить. Так произошло со мной, как только ступил на землю Пакса. В плену я пробыл полдня. Нас отбили «дикие кошки», которыми командовала Виталия. Мы с ней познакомились, и закрутился такой роман! Вот, опять отвлекся...

FAGG возит мужиков за деньги – большие, по местным понятиям, но для транснациональной компании это семечки. У них другой интерес. Мне с такими же обманутыми мужиками предстояло стать донором спермы, а после пяти лет служения в храме идти в лупы (проститутки по-местному) или в альфонсы к какой-нибудь богатой дамочке. Перспектива не вдохновляла. Сговорившись с Виталией, я вынудил

храм продать мой контракт. В результате обзавелся врагом в лице верховного понтифика РOME. Эта тварь нагадила, как могла. Дом у Виты забрали, сама оказалась в плену, а меня пытались зарезать. Пришлось прятаться в армии. Я стал первым в РOME мужчиной-воином. Преторианки встретили меня настороженно, но вскоре мы подружились. В когорте я и узнал: Вита жива! Сармы готовы отдать ее мужу. Вот и еду. До Малакки нас провожали «дикие кошки», теперь город за спиной. Где-то в степи ждут сармы, чтобы сопроводить нас в Балгас – столицу кочевников.

– Сани! – окликаю я.

Едущая впереди кварта останавливается.

– Ты уверена, что дорога правильная? – спрашиваю, приблизившись. – Может, не стоило сворачивать?

– На тропе мы теряем день пути, – качает головой Сани. – А так к вечеру будем на месте.

Пристально смотрю на спутницу. Круглое, миловидное личико, большие темные глаза. Редкая шерстка на щеках и ладонях. Это не портит впечатления. У Сани ладная, стройная фигурка с округлостями в нужных местах. Симпатичная девчонка. С хвостом, конечно, но к ним я привык. Сани смотрит на меня с обожанием: землянин разговаривает с ней, как с равной. Кварт к мужчинам в Паксе не подпускают. Но это в РOME. Здесь степь и свободный мужик – молодой и сильный. Стоит только намекнуть. ...

Что-то не о том думаю – длительное воздержание сказы-

вается. С тех пор, как пропала Вита, я ни с кем и ничего. Пусть так и остается.

– Продолжим урок?

– Слушаю, господин! – кивает она. – Как будет «есть»?

– Хав.

– Идти?

– Гур.

– Спать?

– Торм.

– Сражаться?

– Арч.

– Скажите: «Я хочу есть».

– Е ынкидат хав.

– Я пришел с миром.

– Е гура ан тусим...

Перебрасываясь словами, мы рассекаем заросли травы. Язык сарм я зубрю с первого дня поездки. Объясниться уже могу. Сани хорошая учительница: прежде, чем приступить к новой теме, заставляет повторить предыдущую. Славная девочка!

– Как будет на языке сарм: «Ты хорошая»?

– Ар морате.

– Ар морате, Сани!

Она смущается и краснеет.

– Если съездим благополучно, дам тебе десять ауреев.

– Не нужно, господин! – лепечет она.

– А что хочешь?

– Я... – она смущается еще больше. – Я не смею просить...

Договорить она не успевает: на горизонте возникают черные точки. Всадники, вернее, всадницы – мужчины здесь не воюют. Я привстаю на стременах. Точки заполняют горизонт. Сармам из Балгаса надоело ждать, и они пошли нам навстречу? Точки растут в размерах – нас заметили. Уже различимы фигуры, меховые шапки...

– Прости меня, господин!

С удивлением смотрю на Сани. Она бледна, губы дрожат.

– Я виновата! Следовало ехать тропой.

– В чем дело?

– Это дикие сармы...

Здравствуй, жопа, новый год! Приехали... Дикие сармы не подчиняются Балгасу, они сами по себе, и плевать им на всех и вся. Короче, банда.

– Сани, становись рядом и, как начну говорить, переводи слово в слово! Не вздумай что-то пропускать или добавлять от себя! Поняла?!

Она торопливо кивает. В глазах страх. Мужчину сармы не тронут, а вот нолу...

– Соберись! Ар морате!

Снимаю с седельного крюка и забрасываю за спину щит. Повод в левой руке, правая – на рукояти спаты. Впереди уже вопят – добыча близка. Конная лава накатывает на нас и, не доскакав с десятков шагов, обтекает по сторонам. Мохнатые,

покрытые пылью рожи, оскаленные зубы, вопли... Замечаю, что вооружение у кочевниц дохлое: кожаные нагрудники, да и то не у всех, простенькие луки, обтянутые кожей щиты из прутьев, копья с костяными наконечниками... Мечей на поясах не наблюдается. Лица юные. Банда оборванцев, котята. Правда, у котят есть коготки, и царапаются они больно.

От толпы отделяется всадница и скачет к нам. Нагрудник обшит костяными пластинками, на поясе то ли короткий меч, то ли длинный нож. Явно главарь. Низкий лоб, скуластое лицо, крючковатый нос и выдвинутая вперед нижняя челюсть. Стоматологи называют это «обратным прикусом». Вылитая баба-яга исполнении Милляра, разве что горба не хватает. Красотка, туды ее! Ночью привидится – не проснешься.

– Хо! – восклицает «красотка». – Какая добыча! Муш! Сильный и красивый! С ним нола, молодая, здоровая. Доспех! Шлем! Меч! Кони!..

Сани частит, переводя. «Красотка» прямо сияет. Ну, это ненадолго... Она тянется к рукояти моего меча и немедленно получает по мохнатой лапке. Не трожь! Не ваше!

– Ты ударил меня! – изумленно восклицает «красотка».

– Могу добавить, – «радушно» обещаю я. – Больше.

Сани бледнеет, но переводит.

– Как ты смеешь?! – вопит «красотка». – Ты добыча.

– Разве?

Нагло улыбаясь, извлекаю из ножен спату.

– Будешь сражаться? – удивляется сарма.

Киваю.

– Это неправильно!

– Почему?

– Ты муш.

– И что?

– Муши не сражаются.

– Я – да.

«Красотка» оглядывается на своих оборванцев, словно ища поддержки. Похоже, что мохнатика изумлены.

– Я не хочу тебя убивать, – сообщает «красотка».

Ясен пень, что не хочет. Живой мужчина – редкая и очень ценная добыча.

– Я тоже хочу, чтоб ты жила. Расступитесь, и мы проедем.

Предложение ставит «красотку» в тупик. Она растерянно смотрит на меня. Выпустить мужчину из рук? Да ее свои заплюют! Но и мне не улыбается попасть в плен. Жить вонючем шатре, плодить маленьких сарм... А Вита? Что будет с ней? Не уж!

– Я гость Великой матери. Неподалеку нас ждет сотня из Балгаса. Посмеете нас задержать – они вас вырежут. Пропустите!

«Красотка» багровеет. Похоже, я что-то не то сказал.

– Я не подчиняюсь Великой матери! – орет она, надувая ноздри. – Мы сами по себе. Плевать нам на сотню! Мои воины лучше. Ты моя добыча и поедешь со мной!

– А вот хрен тебе! – отвечаю по-русски.

Сани умолкает, не зная, как это перевести, но «красотка» поняла.

– Будешь драться? – спрашивает, шмыгнув носом.

Киваю: буду! Сарм около сотни, но на мне лорика, шлем, а на спине – щит. В руке спата, и владеть ею я умею. Резали мы мохнатых... Прежде, чем истычут стрелами, с десятков зарублю. Возможно, они испугаются, и нам удастся прорваться. Мужчина с мечом – это непривычно. Дохлый, но шанс.

– Мы тебя убьем! – сообщает «красотка».

Ухмыляюсь. Попробуйте!

– Отдай оружие, и мы не обидим тебя. Твою самку – тоже. Ты будешь жить со мной, а я – тебя защищать.

Всю жизнь мечтал!

– Согласен?

Бросаю спату в ножны и маю ее рукой. «Красотка», улыбаясь, приближается. Склоняюсь и хватаю ее за ворот кожаной рубахи. Рывок – и сарма, вылетев из седла, оказывается на крупе моей лошади. Лево́й рукой прижимаю ее к себе, правой вытаскиваю кинжал. Голубоватое лезвие застывает у мохнатого горла.

– Шевельнешься – зарежу! Скажи своим, чтоб расступились! Живо!

Вспотела. Кислый, мерзкий запах немытого тела лезет в ноздри. Однако молчит.

– Ну?!

– Они не подчинятся, – тихо говорит «красотка». – Зарешь – найдется другая. Сармы добычу не отдают.

М-да! Голливудский сценарий не прокатил: заложника брать бесполезно. Сарм в степи полно: одной больше, одной меньше... А я надеялся прорваться. Доскакать до сотни, а та пугнет банду, как кот голубей. Делать нечего – нужно договариваться.

– Тебя как звать, красавица?

– Амага! – шмыгает она носом.

– Меня – Игрр. Я не пойду в плен, Амага. Меня ждут в Балгасе. Мне туда очень нужно. Пропусти, и я отдам тебе доспех.

– Нет! – замотала она головой. Едва успел убрать кинжал, не то порезалась бы.

– Давай, решим дело поединком! Одержжишь вверх – получишь добычу. Нет – мы уедем. Идет?

– Ага! – снова шмыгает. – У тебя вон какой меч!

Точно девчонка! Лет трех... Ладно...

– Можем без оружия. Скажем, бороться?

– Хо! – восклицает Амага. – Согласна!

Убираю руку с кинжалом и ослабляю захват. Амага перепрыгивает в седло своей лошадки.

– Слушайте все! – кричит, привставая на стременах. – Сейчас мы с мушем будем бороться. После того, как свалю его, он станет нашей добычей.

Пацанки орут и машут руками. Жду, пока утихомятятся.

– Если свалю Амагу, вы пропустите нас! – объявляю в свою очередь.

В ответ вижу оскалы. Нет уж, девочки, играем честно!

– Поклянись, что так будет! – говорю Амаге.

– Клянусь! – кивает она. – Только ты зря надеешься. Я сильная. Мне нет равных в орде.

Это мы посмотрим...

– Какие правила? – спрашиваю, спрыгнув на землю.

– Обычные, – пожимает плечами Амага. – Запрещено кушаться, царапаться и вырывать глаза. Остальное можно.

Вот и славненько!

С десятков сарм прыгают на землю и начинают вытаптывать круг. На лицах ухмылки – предстоит развлечение. Делаю знак Сани. Она спрыгивает и помогает мне снять лорику. Отдаю ей шлем, пояс с оружием и наказываю смотреть за выюками. Там у меня золото. Пока будем бороться – стибрят. Рожи у сарм плутоватые, и на выюки они посматривают. Сани кивает. Амага снимает нагрудник и пояс. Сармы, закончив работу, лезут в седла. Будут смотреть сверху. Мы с «красоткой» становимся лицом к лицу. Девочка не соврала. Она крепкая, ростом повыше меня, руки длинные. Будет ими хватать. У кочевников слабые ноги: они с детства в седле. Учтем...

Одна из сарм ударяет копьем в щит. «Красотка», вытянув руки, летит ко мне. Уклоняюсь и подставляю ногу. Упсс! Амага бороздит носом землю.

– Не считается! – вопит, вскакивая. – Ногами цеплять запрещено!

Нет, в самом деле, детский сад!

– Ты не говорила.

– Забыла!

Снова идем в круг. Не беда. Я, конечно, не Карелин, но полевой борьбе меня учили. В этот раз Амага не спешит. Делает шаг и хватает меня за плечи. Держит цепко. Сильная, зараза! В свою очередь вцепляюсь ей в рубаху. Некоторое время пыхтим, пытаюсь вывести противника из равновесия. Не выходит. Внезапно Амага оставляет плечи в покое, хватает меня за запястья и заставляет ее отпустить. Поворот – и она за моей спиной. Сгиб ее локтя под моим горлом, второй рукой прижимает меня к себе. Душит. В глазах темнеет. Ах, так? Вскидываю правую руку и хватаю ее за ворот. Бросок! Амага, взмыв воздух, прикладывается спиной о притоптанную траву.

– Не считается! – кричит с земли. – Нечестно! За рубаху хватать нельзя!

– За что еще? – интересуюсь холодно. – Сколько раз нужно тебя свалить, чтобы это считалось правильным?

Амага встает и, повернувшись спиной, отходит в сторону. Садится, поджав ноги. Spина выражает обиду, глубокую. У девочки отняли игрушку. Лица у сарм хмурые. Так и до беды недалеко. Доспехи я снял, меч у Сани. Врежут чем-нибудь по башке... Что клятва этим детям Степи? Как дали, так и

забрали...

Подхожу к Амаге, присаживаюсь рядом. Даже не глядит в мою сторону. «Между нами все порвато и тропинка затоптата. Отдавай мою игрушку, не садись на мой горшок...»

– Амага! – говорю, подпуская в голос раскаяние. – Хочешь, подарю тебе доспех?

В самом деле, зачем он мне? Сармы – те, что из Балгаса, наверняка отберут, как и меч. Я вообще не хотел лорику брать, но трибун настояла. Хотела, чтоб выглядел преторианцем.

– И шлем? – шмыгает носом Амага.

– И шлем.

– А меч?

– Меч нужен самому.

– Не хочу!

Нет, в самом деле, ребенок! Сколько ей лет? Чистокровные сармы и нолы взрослеют к трем. Амаге если и больше, то ненамного. Как и ее воинам, впрочем. Ситуацию надо спасать. Предводителю нужно сохранить лицо. Как мне – задницу.

– Куда вы шли, Амага?

Она оборачивается. На лице – удивление.

– В набег.

– На рома?

– У нас плохое оружие, – вздыхает она. – Нет мечей, а копья и стрелы с костяными наконечниками. С рома не со-

владать. Идем на другое племя. Нам нужно доказать, что мы воины. Получится – орда примет нас во взрослые.

Вон оно как, Петрович! То-то мне показалось... Сани – молодец. Незаметно подъехала и частит с седла.

– На что вы рассчитывали?

– Угнать отару.

– А дальше?

– Продать овец рома, на вырученные деньги купить оружие.

– Сколько овец в отаре?

– Какая попадется. Две или три сотни.

– Почему хотели продать?

– По серебряной монете овца. Рома хорошо платят.

Ну, по денарию за овцу – это вы размечтались. Столько заплатят в РOME. В Малакке дадут половину – это в лучшем случае. Тамошним купцам нужен гешефт. Прикинемся, что поверили.

– Хочешь пятьсот монет?

– За что?

Глазки загорелись – купилась. Ребенок. Даже неловко.

– Проводи меня к Балгасу.

Почему бы и нет, в самом деле? На хрен нам те сармы? Повезут, как пленника, а тут хозяин. Пятьсот денариев – это двадцать ауреев. В моем кошельке их сто.

– У тебя есть деньги?

Взгляд хитрый, с прищуром. Стоит признаться – прощай,

золото! Экспроприируют. Зачем обрабатывать, если можно забрать?

– В Балгасе будут. Клянусь. Я гость Великой матери.

– В пути будешь со мной спать?

А вот это – хрен! Еще чего! Качаю головой.

– В Балгасе у меня жена. Я еду к ней.

– А она кто? – Амага тычет в Сани.

Ответить не успеваю: Сани начинает горячо частить. Разбираю со второго слова на третье. Пару раз проскальзывает «самка».

– Согласна! – говорит Амага, вставая. – Но смотри: если обманешь...

Лицом выражаю обиду. Как можно обо мне так думать?

– В этом случае забереешь мой меч. И меня в придачу.

Она протягивает ладонь. Бьем по рукам. Делаю знак Сани, та, соскочив на землю, подтаскивает лорику. Лично обряжаю Амагу в доспех. В завершение нахлобучиваю на грязную голову бронзовый шлем. Улыбка растягивает «красотке» рот. В глазах окруживших нас сарм зависть.

– Ты прекрасна, Амага! – говорю, отступив. – Настоящий вождь!

Все, сарму можно к ране прикладывать. Лучится, как девочка, получившая конфетку.

– Едем, Игрр! – говорит важно.

Надо же! Запомнила...

Санейя, проводник. Довольная

Перепугалась я до дрожи в коленях. Встретить диких сарм – худшее, что может случиться в пути. И ведь сама виновата: зачем понадобилось срезать угол? Ну, потеряли бы день. Нет, понесло...

Когда Игрр спорил, я тряслась. Сейчас сарма скомандует, и в нас полетят стрелы. Умирать не хотелось. Лучше в плен: хозяйка меня выкупит. Хотя о чем это я? За Игрра с меня шкуру спустили бы. И ведь поделом!

Когда Игрр стал бороться, я струхнула. Сармы отменные борцы. Это их любимое развлечение в зимние дни, летом других забот хватает. Бывала я в стойбищах, видела... Амага выглядела грозно. Хоть Игрр и силен, но в борьбе побеждает более ловкий. К моему удивлению, им оказался пришлый. Он легко бросил сарму на землю. Стало ясно: ей с ним не совладать. Амага это тоже поняла. Закричала, что Игрр нарушает правила. Ложь! Пришлый боролся честно, это все видели. Амага стыдилась воинов. И тут Игрр меня удивил. Подарил сарме доспех, да еще предложил денег за сопровождение. Зачем? Нас ведь ждет сотня из Балгаса! Поняла я позже. Сармы нас не отпустили бы. Игрр откупился, найдя удобный предлог. Дешево. Двадцать золотых дают за пленную треспарту (если найдется, кому заплатить, конечно), а тут муш! За него сто надо просить, а то и больше!

Ехать к источнику нужда отпала, мы взяли севернее. К вечеру выйдем к ручью, там заночуем. Сармы, окружив нас

кольцом, с любопытством поглядывали на Игрра. Не удивительно: где они видели пришлых? Амага скакала рядом, горделиво поглядывая на подчиненных. Еще бы! Такой доспех даже в Балгасе редкость. Ее присутствие мешало мне. Амага не знает латынь, но вдруг догадается? Игрра следовало предупредить. Улучив момент (Амага ускакала вперед – дозорные там что-то обнаружили), я склонилась к пришлому.

– Господин?

Он повернул голову.

– Ты сердисься на меня?

Игрр пожал плечами. Слава Богине-воительнице!

– Я сказала, что ты делишь со мной ложе.

Его брови скользнули вверх.

– Иначе Амага потребует тебя себе, – добавила я. – Думаю, ты этого не хочешь.

Он усмехнулся.

– Мне нужно спать в твоей палатке.

Игрр задумался. Я застыла, не зная, как он отреагирует. По пути к Малакке, когда мы ночевали на постоянных дворах, пришлый спал в комнате один, а меня отправляли к служанкам. «Кошке» не к лицу делить комнату с какой-то квартирой. Палатка у меня есть, но она совсем маленькая – скорее, поллог от дождя и ветра.

– Обещаешь не приставать?

Я закачала головой: как можно?

– Тогда спи!

– Благодарю, господин!

Игрр улыбнулся. Богиня-воительница, какой он необыкновенный! В Малакке есть мужчины, у нас даже лупанарий имеется, но те пришлые не достойны снять с Игрра обувь. Они капризные и изнеженные, а Игрр – воин, отважный и добрый. Какая славная будет от него дочь! Мне пора об этом подумать. Может, удастся уговорить? Если б не сармы, попросила бы – он сам предлагал награду. Теперь буду ждать случая.

К месту ночлега вышли к сумеркам. В неглубоком овраге протекал ручей, по склонам росли кусты. Близ оврага разбили стан. Мы умылись, я сбегала в кусты. По нужде, а также – за ветками и хворостом. Я натащила сушняка, нарезала колышков, после чего натянула палатку. Игрр развел костер, укрепил над ним железную треногу с котелком. Когда вода вскипела, бросил в нее крупы и мелко нарезанного копченого сала. Каша забулькала, распространяя вкусный запах. Сев у огня, мы принялись ждать. Время от времени Игрр помещивал в котелке ложкой. В этот миг и заявила Амага.

– Готовишь пищу? – удивилась она. – Почему не самка? – сарма указала на меня.

– У меня получается лучше, – пояснил Игрр.

– Хочу попробовать! – заявила Амага.

– Тогда умойся! – потребовал Игрр. – У нас принято есть чистыми.

Амага фыркнула, но сбегала к ручью. Вернулась с поте-

ками грязи на щеках. По всему видать, поплескала на них водой – тем и ограничилась. Игрр покосился, но промолчал. Подобрав щепку, оставшуюся от изготовления колышков, принялся строгать. Я догадалась, зачем. Ложек у нас всего две. Я могла подождать, пока они поедят, но Игрр этого не захотел. Когда каша поспела, навалил горку в бронзовую миску и вместе с ложкой подал сарме. Котелок поставил меж нами и взял выструганную лопатку.

– Господин! – удивилась я. – Бери ложку.

– Обойдусь! – отмахнулся он.

Мы проголодались, поэтому набросились на еду. Дули на горячую кашу, глотали и немедленно запивали разбавленным вином. Игрр и Амага его налил. Вот это зря – вина у нас мало. Если поить всяких сарм, надолго не хватит. Амага приняла подношение, как должное. Глотнув из кубка, громко зачавкала. Свинья вонючая!

Готовит Игрр замечательно, каша кончилась быстро. Порции маленькие – мы не рассчитывали на сарму. Амага, опорожнив миску, сыто рыгнула и облизала ложку.

– Впредь буду есть с вами! – «обрадовала» нас. Ну, вот: теперь и крупа кончится!

Амага встала и важно удалилась. Хорошо, хоть ложку не унесла. С нее бы случилось! Сарма...

Я сбегала к ручью, помыла посуду и принесла котелок воды. Водрузив его над углями, подогрела. Игрр почистил зубы, затем, сняв сапоги, омыл ноги. Он делает это каждый ве-

чер. Я хотела помочь, но он запретил. Не позволяет сделать такую малость! Точно на меня сердит!

Мы заползли в палатку и улеглись на войлоках. Игрр затих, и тогда я решилась. Нащупала его руку и лизнула.

– Спи, девочка! – вздохнул он и погладил меня по голове. Слезы брызнули из моих глаз. Он не сердится! Я придвинулась и прижалась к нему боком. Как хорошо! Теперь до Балгаса будем так спать. Может, неплохо, что нам встретились сармы?..

2.

Флавия, принцесс. Торжествующая

Я вошла в зал и, стараясь ступать степенно, проследовала к креслу в центре зала. Сенат встретил мое появление недовольным гулом. Я села и обвела глазами собравшихся. Встревожены, переглядываются. Не удивительно: на площади выстроилась центурия претория, усиленная охрана стоит на ступенях и у дверей курии. У Марцеллы глаза бегают – чувствует, тварь! Мания и Клавдия спокойны – не подозревают. Северина в своем кресле трибуна застыла, не сводя с меня взгляда. За нее можно не беспокоиться – поддержит.

– Достопочтенный сенат! – начала я, и гул в курии стих. – Рада приветствовать вас в полном собрании. Заседание открыто. Слово сенатору и проконсулу Лауре Сертории.

Наставница встала и прокашлялась.

– У меня чрезвычайное сообщение. Семь дней назад на принцепса Ромы совершено покушение, – она обвела трибуны взглядом. Ответом ей была тишина. – К счастью, неудачное. Убийце удалось проникнуть в спальню принцепса...

– Злоумышленник в Палатине? – перебила Марцелла. – Там, где преторианок больше, чем нол при раздаче хлеба?

– Я понимаю твой скепсис, сенатор, – усмехнулась Лаура. – Наверняка считаешь, что мы придумали эту историю, дабы укрепить свою власть. Я предусмотрела это. Стража!

Пригласите декана!

В распахнутую дверь курии вошла преторианка.

– Назовись! – велела Лаура.

– Лиона Лепид по прозвищу Пугио, декан третьего кон-
туберния, второй центурии когорты претория.

– Расскажи, как было дело!

– Той ночью я стояла у покоев принцепса. Внезапно за
дверью послышались крики. Заподозрив неладное, я стала
стучать. Не сразу, но дверь отворилась. За ней оказалась
принцепс, полуодетая, в одной тунике. Указав рукой в сто-
рону спальни, она сказала: «Там!..» Я побежала, и увидела,
что мой подчиненный Игрр сражается с какой-то треспарт-
той. Было темно, и я не сразу узнала ее...

– Что делал мужчина в спальне принцепса? – перебила
Марцелла.

Я вцепилась в подлокотники кресла. Жаба! Ты у меня по-
помнишь! Лаура бросила мне предостерегающий взгляд.

– Я отвечу на твой вопрос, сенатор, – сказала она спокой-
но. – Пришлый по имени Игрр охранял черный ход в покои.
Он знаком с Флавией, поскольку делал ей массаж, как и мно-
гим из здесь присутствующих. Вам известно, что жена Игр-
ра, декурион «диких кошек» Виталия Руф, попала в плен к
сармам, а его самого пытались убить, подстроив ссору с при-
сутствующей здесь Пугио. Вы были свидетелями их поедин-
ка. Игрр, став преторианцем, искал встречи с принцепсом,
чтобы просить помощи для жены. Такая возможность выда-

лась лишь при охране Палатина. Вот почему он оказался в спальне Флавии. У Игрра нет особых отношений с принцепсом, ты ведь это подразумевала, сенатор? В спальне Игрр находился в доспехах и при оружии. Будь иначе, он не смог бы противостоять убийце.

– Ты можешь назвать ее имя? – сощурилась Марцелла.

– Она скажет его сама. Введите!

По скамьям сенаторов пробежала волна. Многие привстали. Две преторианки ввели в курию высокую, широкоплечую треспарту. Она заметно хромала, и преторианки поддерживали ее под руки.

– Назовись! – велела Лаура, когда пленницу поставили посреди зала.

– Касиния Лукро, слуга верховного понтифика, – облизав губы, выдавила задержанная.

– С какой целью ты пробралась во дворец?

– Убить принцепса.

– Ты сделала это по своей воле?

– Мне велели.

– Кто?

– Октавия Варр, верховный понтифик Румы.

– Ложь! – закричала Марцелла.

Сенаторы завопили. Многие, вскочив, махали кулаками. Лаура кивнула страже, и та ударила мечами в щиты. Раз, другой... Не сразу, но курия угомонилась.

– Чем можешь подтвердить обвинение? – как ни в чем

не бывало продолжила наставница. – Как видишь, тебе не верят.

– Октавия пообещала мне в награду домус.

– Вот дарственная! – Лаура подняла руку со свитком. – Любая из вас может ее посмотреть. Выписана на имя Касинии, подпись и печать понтифика. За десять дней до покушения на принцепса Октавия дарит своей помощнице домус стоимостью в две тысячи золотых. Щедро, не правда ли?

– Возможно, Касиния ей верно служила! – возразила Марцелла.

– Преданных слуг в РOME много, – усмехнулась Лаура. – Но я не слышала, чтобы им дарили домусы. Может, ты так поступила? Скажи!

Марцелла смешалась. Лаура возвысила голос:

– Октавия, подписав дарственную, нарушила закон. Домус принадлежал Виталии Руф и отошел к храму за долги – при весьма сомнительных обстоятельствах, к слову. Но не буду заострять на этом внимание. Остановлюсь на другом. Октавия не имела права дарить дом, принадлежащий храму. Понтифик этим обстоятельством пренебрегла. Спрашивается, почему? Рано или поздно о незаконной сделке узнали бы, ее могли оспорить. Тем не менее, Октавия подписала пергамент. Выходит, не опасалась. Сейчас мы узнаем, почему. Мой вопрос Касинии. Зачем понтифику понадобилось убивать принцепса?

Касиния облизала губы.

– Она хотела занять ее кресло.

Курия загудела. Лаура предупреждающе вскинула руку.

– Ты уверена? В РOME не так просто сменить власть. Если принцепс не оставит наследницу, ее преемницу назначит сенат.

– Октавия искала поддержки сенаторов. Приглашала их в храм и всячески ублажала.

– Как?

– Угощала роскошным обедом. После чего приводила мужчин, и те ласкали женщин.

Курия взорвалась. Вскочив, сенаторы кричали и махали руками. «Ложь! Клевета!..» – несло со всех сторон. Лаура кивнула страже, и та ударила в щиты.

– Прошу слова! – закричала Марцелла, после того как все затихли.

Я кивнула: говори!

– Эту женщину, – Марцелла указала на Касинию, – задержали с оружием в руках. Она пыталась убить принцепса. За такое полагается мучительная смерть. Висеть на кресте ей не хочется. Стоит пообещать милость, и она обвинит любого.

– Считаешь, мы это подстроили? – ледяным голосом спросила Лаура.

– Я лишь утверждаю, что преступнице нельзя верить, – выкрутилась Марцелла.

– У тебя все? – спросила я.

– Да, принцепс!

– Проконсул?

– Пригласите свидетелей! – велела Лаура.

Когда вошли мужчины, курия загудела. Никогда прежде пришлых не звали в этот зал. Мужчины, встав у порога, растерянно смотрели по сторонам. Было видно, что они встревожены.

– Назовите себя! – предложила Лаура.

– Я – Ион, – сказал высокий, черноволосый мужчина.

– А я – Стефан, – поклонился второй, ростом пониже.

– Чем вы занимаетесь?

– Служим в храме Богини-воительницы.

– Поднимите руки, чтобы все видели браслеты!

Мужчины подчинились. Лаура кивнула, и пришлые опустили руки.

– Вам известно, зачем вы здесь?

– Нет, госпожа! – ответил Ион. – В храм пришли воины и велели следовать за ними. Они не говорили, зачем. Мы, наверное, провинились, но не знаем, в чем.

Лаура глянула на Марцеллу и усмехнулась.

– Вас ни в чем не обвиняют! – успокоила пришлых. – Вы здесь как свидетели. Сейчас я буду задавать вопросы, а вы – отвечать. Честно и правдиво. Понятно?

Мужчины кивнули.

– Внимательно посмотрите на этих женщин. Если кого узнаете, указывайте рукой. Опознанных сенаторов прошу спускаться в зал.

По скамьям пробежал ропот, но Лаура не обратила на это внимания. Ион со Стефаном двинули вдоль скамей, разглядывая сенаторов, и время от времени на кого-то показывали. Отмеченные женщины бледнели, но вставали и послушно спускались вниз. Одна из сенаторов пыталась спрятаться, склонившись за спину соседки, но Ион подошел и положил ей на плечо руку. В зал спустились четыре сенатора, в том числе – Марцелла. Ион со Стефаном встали в стороне.

– Вы знаете этих сенаторов? – спросила Лаура.

– Видели в храме, – ответил Ион. – Они приходили к нам.

– Зачем?

Ион замялся.

– Говори! – велела Лаура.

– Мы совокуплялись с ними.

На верхних скамьях кто-то охнул.

– Вы делали это по их просьбе?

– Нет, госпожа! К нам приходила Касиния и отводила в покои понтифика. Там нас ждала женщина. Понтифик уходила, а мы оставались...

– Вы ласкали женщин вдвоем?

– По-разному, госпожа! Иногда вдвоем, иногда поодиночке. Вот она, – Ион указал на Марцеллу, – любила, чтобы вдвоем. Ей очень нравились наши ласки. Она обещала взять нас к себе. Нас возили к ней в дом.

– Он очень большой и роскошный! – восторженно сказал Стефан. – Много слуг, красивые мозаики, вазы.

– Твоя знаменитая коллекция, Марцелла? – усмехнулась Лаура. – Ты и теперь будешь утверждать, что мы все подстроили? Может, пригласить в свидетели твоих слуг?

Марцелла не отозвалась. Она смотрела в пол. Руки, которые сенатор держала перед собой, тряслись.

– Вопросы к свидетелям есть?

Ответом было молчание.

– Вы свободны, граждане!

Мужчины поклонились и вышли.

– Ты – тоже! – Лаура указала на Касинию.

Стража вывела хромающую треспарту.

– Возвращаю слово, принцепс!

Я встала.

– Властью, дарованной мне сенатом, я, Флавия Авл, принцепс и цензор Румы, обязанная следить за нравами, за преступления против законов республики исключая Марцеллу Канис, Манию Ульпию, Валерию Дециус, Клавдию Порцию из списка сенаторов на вечные времена. Стража! Вывести заговорщиц! Им тут не место!

Подбежавшие преторианки, бесцеремонно пихая бывших сенаторов, вытолкали их из курии. Я кивнула Лауре.

– Призываю сенат наказать виновных! – объявила она.

– Почему нет Октавии? – заметила Северина, все это время тихо сидевшая в кресле. – Нельзя выносить приговор в ее отсутствие. Все-таки верховный понтифик.

– Октавия сбежала, – вздохнула Лаура. – Когда претори-

анцы пришли, в храме ее не оказалось. Успели предупредить. Полагаю, она спряталась в городе «фармацевта». Придется судить заочно.

– Своим побегом она подтвердила обвинение, – кивнула трибун. – Не возражаю. Что предлагаешь?

– Объявить Октавию вне закона.

– Справедливо! – согласилась трибун.

– Голосуем! – объявила я.

Руки сенаторов поползли вверх. Я следила, прищурившись. Как и предполагала, никто не уклонился.

– Принято!

– Теперь бывшие сенаторы, – сказала Лаура.

– Предлагаешь крест? – насторожилась Северина.

– Нет, трибун! Если нола умышленно, угрозами или подкупом склоняет к сожительству мужчину из храма, – процитировала закон Лаура, – ее казнят. Здесь этого не было. Бывших сенаторов соватила Октавия. Она предлагала мужчин в обмен на поддержку. Думаю, изгнания достаточно.

– Они богаты, – покачала головой Северина, – и не пожалуют золота, чтобы вернуть положение. У каждой – десятки клиентов. Станут мутить нол, а нам не нужен бунт. Я вообще не понимаю, почему вы медлили. Каждая из изгнанных – развратная тварь, кичившаяся своим богатством и выставившая его напоказ. Они предавались удовольствиям, не думая о народе... («Олигархи!» – вспомнилось мне слово Игг-ра). Я говорила об этом сенату, но меня не слышали. Наста-

иваю на конфискации имущества.

– Согласна! – сказала Лаура.

– Кто «за»?

Руки в этот раз подняли неохотно, но все же проголосовали.

– Необходимо назначить понтифика, – сказала Лаура, когда решение утвердили. – Предлагаю Северину.

– Почему я? – удивилась трибун.

– Касиния нам многое рассказала. В храме деялось непотребное. Октавия пользовалась его казной, как своей. Много расхищено. А что вытворяли жрицы! Они совокуплялись с мужчинами, устраивали с ними оргии... (Северина сморщилась). Для того чтобы навести порядок, требуется женщина безукоризненно честная. Кто, если не ты?

– Тысячу лет понтифика избирали из рода жриц, – заметила трибун.

– Они вышли из доверия! – вмешалась я. – Их представитель затеяла заговор против принцепса. В прежние времена за это казнили весь род. Я не настолько кровожадна, но никто из жриц более не станет верховным понтификом!

Северина подумала и кивнула.

– Голосуем!..

– На сегодня – все! – объявила Лаура, когда руки опустились.

– Нет!

Наставница глянула на меня с изумлением. Я встала.

– Хотя виновные изобличены, Октавия скрылась. Она увела с собой стражу, довольно многочисленную и хорошо вооруженную. Рома в опасности. В такое время нужно действовать без промедления. Я настаиваю на полномочиях диктатора.

– Надолго? – насторожилась Северина.

– На установленный законом срок – полгода.

Северина задумалась и кивнула:

– Не возражаю!

– Голосуем!..

Из курии я выходила, едва не танцуя. Получилось! Теперь никто не помешает мне послать войско на выручку Игрру. Не нужно испрашивать разрешения у сената, уговаривать наставницу. Мы вновь увидимся...

– Могла бы сказать! – упрекнула догнавшая меня Лаура. – Зачем ты это затеяла? Теперь любую ошибку припишут нам. Я только плечами пожала: подумаешь!..

Поселок FAGG, 100 миль севернее Ромы. Пакс

– Я вне закона! – закричала Октавия с порога. – Из Ромы прискакала жрица: на улицах возглашают указ. Теперь любой обязан меня убить. За это обещана награда сената.

– Садись! – предложил Говард.

Октавия сверкнула глазами, но подчинилась. Кресло выбрала напротив фармацевта.

– Это ты виноват! – продолжила она, расправив паллу. –

Зачем я тебя послушала? Затеять заговор...

– Я советовал захватить власть, – согласился Говард. – Но разве я виноват, что ты не смогла?

Октавия раздула ноздри, но промолчала.

– Зачем послала к Флавии свою помощницу? – продолжил Говард.

– Она в прошлом ликтор и могла пройти в Палатин! Отменно владеет оружием.

– Обязательно было девочку резать? Разве не существует других способов? К примеру, подкупить повара, чтоб тот подсыпал в пищу яд? Или подстрелить Флавию на пути к сенату? Есть десятки возможностей. Ты почему-то выбрала самый рискованный метод. Тридцать лет назад ты была умнее.

– Тогда ты помогал, – вздохнула Октавия.

– Что мешало спросить сейчас? Я надеялся, что ты знаешь, как действовать. И что вышло в итоге? За что ты упрекаешь меня?

Октавия насупилась.

– Из Ромы пришлют за мной. Потребуют выдачи.

– Я не подчиняюсь РOME, а мои люди справятся с любым войском, – сказал Говард. – Здесь ты в безопасности.

– Дай мне своих охранников! Я заплачу! С твоим оружием и моими стражами мы захватим Рому. Я разберусь с этой маленькой сучкой!

Октавия сжала кулаки.

– Затеять войну? – хмыкнул Говард. – Я фармацевт, а не

генерал. Но даже я понимаю: не получится. Здесь мы отобьемся, но взять Рому... Там стены, внутри – улицы, ограды, за которыми легко спрятать стрелков. Моих охранников перебьют. Их всего-то пару десятков.

– Привези еще!

– Существование Пакса – тайна. Чем меньше людей знает, тем проще сохранить. Нет, понтифик!

– Я больше не жрица! – сказала Октавия. – Они назначили Северину. Старую зануду, помешанную на нравственности.

– С ней можно договориться?

– Нет! – фыркнула Октавия. – Она не станет возить тебе девочек. Даже не рассчитывай!

– Я оставлю Пакс без мужчин.

– Заявят, что не нужно. Достаточно тех, что есть.

– Трудно устроить второй мор?

– Его свяжут с тобой. Скрыть не удастся. Вас вышвырнут из Пакса!

Говард задумался.

– Я подумаю над твоим предложением, – кивнул примирительно. – Думаю, его надо принять. Отдыхай!

Торжествующая улыбка растянула губы Октавии. Она встала и вышла. Говард, оставшись один, некоторое время сидел в кресле, затем взял со стола карманную рацию. Палец утопил танкету.

– Зайди!

Спустя минуту раздался стук в дверь, и в кабинете возник

начальник охраны – высокий мужчина с заметной сединой на висках.

– Слушаю, босс! – сказал, склонив голову.

– Октавию с дочерью разместили в апартаментах?

– Да, босс!

– Ужинают у себя?

– А также обедают и завтракают. Стараются не выходить лишний раз.

– Вот и хорошо. Сегодня к ужину подай им вино с цианидом. Возьмешь у Марты.

Начальник охраны поднял бровь.

– Отработанный материал, – сказал Говард. – Связывают руки. В Риме объявили награду за их головы. Нам это ничем не грозит. Все подумают, что отравились сами от безвыходности.

– Сделаю, босс! – сказал начальник.

– Устрой им пышные похороны. После чего храмовая стража пусть идет в Рому. Здесь она не нужна, да и кормить нечем. Новому понтифику это понравится.

– Стоит ли отправлять всех, босс? Парни обидятся: им нужны девочки. Те, у которых берут кровь, слишком тощие. Кому-то нужно патрулировать окрестности. Храмовая стража использует лошадей. Мои парни верхом не умеют. Их этому не учили.

– Оставь с полсотни! – пожал плечами Говард. – Достаточно?

– Более чем! – кивнул начальник.

– Можете отобрать по своему вкусу. Свободен!

Начальник боднул головой и вышел. Говард, оставшись в одиночестве, достал из шкафа бутылку, плеснул в бокал янтарную жидкость и жадно глотнул. После чего раскурил сигару и подошел к окну. Отсюда были видны палатки, разбитые за стенами. Возле них копошились стражницы, в отдалении паслись кони.

«Завтра они уйдут, – подумал Говард. – Я передам с ними письма принцепсу и понтифику. Сообщу о самоубийстве Октавии, выражу сочувствие, приглашу Северину в гости. Думаю, ее удастся склонить к сотрудничеству. Если она такая нравственная, как говорит Октавия, то наверняка помещана на благо отечества. Что ж... Паксу нужны мужчины, мне – маленькие димидии. Лекарство нужно производить. Заказы растут, в Цюрихе требуют увеличить объемы. Это к лучшему, что Октавии не станет: вместе с ней умрет и тайна. Плохо менять давнего партнера, но бизнес есть бизнес».

Говард хлебнул из бокала и втянул дым.

«Интересно, Мада получила этого русского? Он отправился к сармам за своей женщиной? Надо было спросить Октавию».

Подумав, Говард решил, что не стоит. Слишком мелкая фигура, чтобы беспокоиться.

3.

Санейя, проводник. Испуганная

Сармы из Балгаса догнали нас через пять дней. Видимо, устав ждать, сотница выслала дозор, и тот наткнулся на следы. Сармам не составляет труда их прочесть. Догадавшись, что пришлого перехватили, сотница скомандовала погоню.

К тому времени мы освоились с провожатыми. К моему удивлению, вели они себя смирно. К Игрру не приставали, меня не задирали, по вьюкам не шарили. Все благодаря Игрру. С сармами он с самого начала повел себя дружески: расспрашивал их об обычаях Степи (заодно совершенствуясь в языке), шутил, на стоянках учил Амагу бороться. Ей это нравилось. Юные сармы смотрели на их поединки восторженно и сами пробовали выходить против Игрра. Он их легко разбрасывал. Почтение к пришлому росло: сармы уважают силу. С едой тоже наладилось. Амага догадалась или Игрр подсказал, но каждый день нам приносили что-то из дичи. Зимой ее мало, но сармы умеют охотиться. Если не коза, то дикая курица или заяц, в худшем случае – степная крыса. Игрр называет ее «сурок». Сурки, кстати, жирные, и мясо у них нежное. Игрр разделявал дичь, складывал куски мяса с кружками порезанного лука в бурдюк и заливал водой с уксусом. К вечеру мясо мариновалось, Игрр посыпал его солью и порошком пряных трав, после чего жарил на верте-

ле. Он у нас имеется, как и сковорода. Мясо с луком выходило сочным и необыкновенно вкусным. Игрр называет такую еду «шашлык». К шашлыку полагались лепешки, Игрр печет их замечательно. Я объедалась, что уж говорить про Амагу! Они в своих стойбищах, кроме вареной баранины, ничего не видят. Кашу мы варили со свежим мясом, которое Игрр предварительно обжаривал на сковороде. Получалось необыкновенно вкусно. Ну, у Игрра всегда так.

Еще Игрр приучил Амагу мыться. Во второй вечер отвел к ручью и показал, как нужно. Амага пыталась отговориться, тогда Игрр взял ее левой рукой за шею и правой умыл сам – решительно и жестко. Удивительно, но сарме это понравилось. Теперь на каждой стоянке она бежит за пришлым и подставляет рожу. Ей, как я думаю, нравятся прикосновения пришлого, и она воспринимает умывание, как ласку. Если б не я, Амага и в постель к Игрру полезла бы. Только уж нет! Место занято.

Стоял полдень, когда за нашими спинами раздался вой, и, оглянувшись, мы увидели развернувшуюся в атаку сотню. Лисьи хвосты на копьях говорили о принадлежности сотни Великой матери. Воины Амаги стали натягивать тетивы на луки. Руки у них тряслись. Не удивительно. Сарм у Амаги меньше, и вооружены они плохо – даже ножей нет. В обиходе пользуются острыми кремневыми пластинками, но ими не навоюешь. Сармы из Балгаса расшвыряют орду, как котят. Засыпят стрелами, ударят в копья, после чего затопчут и

вырежут. Приходилось видеть – я с пяти лет в Степи.

Амага поскакала вдоль строя, крича и размахивая копьем – приободряла своих. И тут Игрр меня поразил. Вместо того чтобы отъехать в сторонку и затаиться (нам-то нападение ничем не грозило), крикнул Амаге:

– Не нужно драться! Я договорюсь с ними!

После чего решительно направил кобылку навстречу сотне. Амага от удивления натянула поводья. Поколебавшись, я присоединилась к Игрру. Он неплохо говорит на языке сарм, но переводчик не помешает. К тому же предводитель сотни мне наверняка знакома – я часто бываю в Балгасе. Мы не сделали и десятка скачков, как нас догнала Амага.

– Я с вами!

Игрр покосился, но ничего не сказал. Лишь жестом указал место по левую руку от себя. Я покачала головой. Нас с Игрром точно не тронут, а вот Амагу прирежут – за обиду и наглость. Ну, это ее дело, плакать не стану.

Разглядев нас, сотня прекратила вопить и вскинула копья кверху. Вперед вырвалась всадница. Она неслась к нам, сотня рысила следом, сохраняя, однако, боевой строй. Нападать сармы из Балгаса не передумали, просто отложили схватку. Поговорят, оставят нас за спинами – и ударят.

Подскакавшую сотницу я узнала. Косой шрам, пересекающий лицо, вытекший левый глаз, затянутый веком. На крепком теле – чешуйчатый доспех, закрывающий торс от шеи до середины бедер, остроконечный шлем с конским хвостом на

шпиле. Дандаки, командир личной охраны Мады – верховной жрицы Великой матери. Дандаки мало того, что треспарта, так еще лучший воин Степи. Кого отправили нас встречать! Видимо, пришлый Маде очень понадобился.

Дандаки остановила коня головой к голове с нашими и довольно ухмыльнулась, разглядев пришлого. А вот на Амагу посмотрела так, что стало ясно: жить сарме осталось всего ничего.

– Хош арчи! – поприветствовал Игрр сотницу. – Ан тусим те, кирдайя¹.

Он неожиданности Дандаки выпустила поводья.

– Ты говоришь по-нашему, муш?

– Пока только учусь, – ответил Игрр. – У нее! – он указал на меня.

Сотница перевела взгляд в мою сторону и кивнула – узнала. Затем посмотрела на Амагу и раздула ноздри.

– Она захватила вас в плен?!

– Нет, почтенная! – покачал головой Игрр и перешел на латынь. – Мы заблудились в Степи и столкнулись с ордой Амаги. Эти милые женщины оказались настолько любезны, что согласились проводить нас в Балгас – за небольшую плату. Проще говоря, я нанял их.

Я вспотела, подбирая слова, соответствующие латинским «милые» и «любезно». Но повезло, вспомнила.

– На ней доспех рома! И шлем! – Дандаки обличающе

¹ Здравствуй! Мира тебе, почтенная! (Язык сарм).

ткнула пальцем. – Откуда они у нее?

– Я подарил, – сказал Игрр. – У сарм, насколько знаю, есть обычай дарить хорошему воину понравившуюся ему вещь.

– Не лги! Она их просто отобрала. Зачем ты защищаешь эту крысу, муш?

– Она и ее воины – моя охрана.

– Они?!

Дандаки захохотала, показав крупные желтые зубы. Сармы за ее спиной оскалились.

– Эти дети не справятся даже с овцами, – продолжила сотница, вытерев выступившие слезы. – Как только зарежу их предводительницу, они мигом разбегутся.

Амага зашипела и схватилась за нож. И тут Игрр меня изумил.

– Я не позволю!

Он произнес это на языке сарм. В животе у меня похолодело. Он что, больной? Понимает, с кем спорит? Что ему до вонючки Амаги?

Дандаки изумилась не меньше моего. Потеряв от неожиданности дар речи, она уставилась на Игрра единственным глазом. А пришлый, подтверждая свои намерения, положил руку на рукоять меча.

– Хо! – воскликнула сотница, придя в себя. – Он грозит мне!

Она обернулась к сотне, и подступившие к нам сармы осклабились.

– У него есть меч! – продолжила Дандаки. – Настоящий. Ты умеешь им пользоваться, муш? Знаешь, за какой конец брать? Это ведь не женская грудь. Гляди, порежешься!

Сармы захохотали. И тут Игрр неуловимым движением выхватил клинок из ножен. В следующий миг меч, взмыв над головой пришлого, образовал над ней сверкающий круг. Игрр вращал кистью легко – казалось, не касаясь рукояти. Круг сместился влево, затем – вправо и за спину, при этом лицо Игрра выглядело спокойным, будто это не он крутил в воздухе мечом, а тот вращался сам по себе. Сармы от удивления открыли рты. Еще бы! Я сама, когда впервые увидела – Игрр разминался на стоянке – невольно вскрикнула. Ничего подобного прежде не наблюдала. Думаю, что и сотня Дандаки – тоже.

Сверкающий круг внезапно исчез. Меч молнией сверкнул перед глазами и с мягким стуком скользнул в ножны. Игрр сложил руки на груди и с улыбкой глянул на сотницу. Та нахмурилась.

– Я знаю этот меч, – сказала сердито. – У него приметная рукоять. Меч принадлежал Тарготао. Ее орду вырезали весной. Откуда у тебя этот клинок? Купил?

– Взял с убитой мной сармы.

– Тарготао? – подняла бровь сотница. – Убитой тобой? Не верю! Пусть даже ты смог, но рядом с ней тенью ходила Шпако. Она убила бы тебя. Со Шпако в Степи никто не мог справиться.

– Шпако – это такая высокая и толстая? – спросил Игрр. – С плечами – во! – показал он руками.

Дандаки кивнула.

– Я зарезал ее первой. Ножом – сюда! – Игрр ткнул себя пальцем в шею. – А уж потом Тарготао. Та хотела меня изнасиловать. Я ударил ее коленом в подбородок, после чего убил Шпако. Та в этот момент прижимала меня к земле. Я скинул с себя ее труп и прикончил Тарготао – перерезал ей жилу на шее. Если тебя это утешит, они умерли быстро. Не мучились.

Пришлый произнес это так, что все вмиг поняли: правда! По лицам сарм было видно, что они впечатлены. Да и я сама... Игрр убил Шпако! Я знала эту сарму. В Степи ее боялись.

– Теперь понимаю, почему Мада захотела тебя, – вымолвила Дандаки. – Ладно. Я не стану убивать твою сарму. Ты спал с ней?

Игрр покачал головой.

– Тогда почему защищаешь?

– Она красивая!

От этих слов я чуть не выпала из седла. Амага красивая? Да на нее лишний раз глянуть страшно!

Единственный глаз сотницы едва не вылез из орбиты. Зато Амага приосанилась, задрав подбородок.

– У тебя странный вкус, пришлый! – покачала головой сотница. – Или же ты шутишь. Мне говорили, что ваш мир

другой. Мужчин так много, что они дерутся за женщин, совсем как мы за мушей. Ваши мужчины, когда у них нет женщин, даже спят друг с другом. Я, признаться, не верю, но твои слова заставляют задуматься. Ладно, закончим. Пусть она, – Дандаки указала на Амагу, – забирает своих оборванцев и убирается. И пусть радуются, что живы!

– Они останутся, – возразил Игрр.

Ноздри сотницы затрепетали.

– Я нанял их до Балгаса, – невозмутимо продолжил Игрр. – Договор будет соблюден.

Он снова положил ладонь на рукоять меча.

– Ты не сумеешь воспользоваться оружием, пришлый! – хмыкнула сотница. – Я велю бросить арканы, и мы свяжем тебя. Так и отвезем в Балгас!

– Тогда я скажу Маде, что ты потеряла нас в Степи. Мне пришлось искать защиты у диких сарм. А ты прогнала их, чтобы скрыть оплошность. Думаю, Великой матери это «понравится».

Дандаки засопела, как загнанная лошадь.

– Я вообще не понимаю, о чем спор? – улыбнулся Игрр. – Тебе приказали доставить меня в Балгас? Так мы направляемся туда. А сотня нас охраняет или две, какая разница? В Балгасе я рассчитаюсь с Амагой, после чего она уедет. К Маде отведешь меня ты. По рукам?

Он протянул Дандаки открытую ладонь. Та поколебалась и хлопнула по ней.

– Не обижай моих девочек! – попросил Игрр. – Они славные. Вы ведь тоже когда-то были детьми?

Клянусь, прежде я не видела у сарм таких изумленных лиц!

Игорь, спасатель. Невольный

По уму, угрожать Дандаки не следовало. Такие, как она, обид не спускают. Однако выбора не было. Согласись я прогнать Амагу, дамочка ощутила бы власть. После чего держала бы меня, как обезьянку на веревочке. Еще и в постель потащила бы. Нет, уж! К тому же Амага с ее котятками могут пригодиться. Пусть воины из них, как из меня балерина, но в определенных ситуациях это не важно. Главное – преданность. Девочки избежали позора, а то и смерти, им обещали немалые по местным меркам деньги, что еще нужно для счастья? По взглядам котят я понял: прикажу носить себя на руках – понесут. В очередь встанут.

Дандаки, к моему удивлению, оказалась треспартой. Да и в сотне мелькали человеческие лица. Сани просветила: димидии и треспарты в Балгасе есть. Только мало их. Мужчины из людей в Степи кончились. Похищенные умерли, а новых взять негде. FAGG сармам мужиков не возит. Поэтому сармы с людской кровью в Степи очень ценятся. Их берут в жрицы Великой матери, а в роли воинов они встречаются только в личной охране Мады. М-да... Кажется, планы верховной жрицы насчет меня обретают очертания.

Спор с Дандаки имел непредвиденные последствия. Отозвав Сани, сотница расспросила ее о путешествии, после чего скомандовала большую охоту. Ясен пень, показать, кто центровой. Амага с детками сурков с зайцами добывали, а мы так сразу – быка! Ощутите разницу! Это сообщила мне Сани. Я только плечами пожал: хочется одноглазой сходить с ума – ее проблемы. Наше дело телячье: сел и ешь.

Отряд свернул с тропы и поскакал к реке. Там, по словам Сани, есть водопой и растут кусты – зеленые, несмотря на зиму. Быки любят их общипывать, да и вода рядом. Разведка унеслась вперед, мы рысили следом. Я в центре, рядом – Сани с Амагой, вокруг пацанки, а сотня Дандаки – во внешнем кольце. Пыль стояла такая, что я едва различал скачущих рядом сарм. Платок, закрывавший лицо, помогал плохо: пыль настойчиво лезла нос, заставляя чихать. Я хотел пробиться из круга, но меня завернули. Вот, блин!

К счастью, вернулась разведка. Сармы оживились, и я понял: быков нашли. Мы вышли к берегу и остановились. Пыль осела, и совсем рядом я увидел стадо. Это было нечто! Огромные быки, размером с микроавтобус, на мощных ногах и с рогами толщиной в мою руку. Коровы поменьше, но все равно как две наших. Сани пояснила: зверей зовут «туры». Они в степи никого не боятся. Разве что сарм: те на туров охотятся.

Стадо заметило нас и сбилось в кучу. Быки заревели, выставили рога и стали рыть землю копытами. Комья полетели

во все стороны. Мама дорогая! Как Дандаки планирует их заповлевать? Да они размечут сарм, как бабочек!

Сотня разделилась. С десятков сарм осталась с нами, остальные с воплями окружили стадо. После чего, выставив копыта, устремились на туров. Быки, пыхтя, ринулись навстречу. Сармы брызнули в стороны. Туры, пробежав с десятков шагов, остановились. В этот момент сармы развернулись и напали снова. Быки дернулись вперед и опять встали. Сармы повторили это вновь и вновь. Всадницы наскакивали и отлетали, не давая быкам вернуться к коровам. Стадо растянулось. Сармы воспользовались этим. Вопя и размахивая копытами, они отогнали в сторону молодого бычка. Перед остальными разомкнулись, освобождая проход. Туры поревели, покопытили землю – только комья летели назад – и, окружив коров, погнали их в степь – смирились с потерей. Лучше пожертвовать одним, чем сгинуть всем. Естественный отбор...

Молодого тура отогнали к берегу, сбегавшему к реке. Песок здесь истоптали – водопой. На нем, как я догадался, и предполагалось прикончить тура. Бык, однако, не смирился с участью. Побежал к воде и забрел в нее по колено. После чего развернулся и выставил рога. Его красные глаза смотрели злобно, изо рта тянулась слюна. Тур готовился дорого отдать жизнь. Ростом «бычок» казался повыше меня и весил, наверное, с полтонны. Такой подцепит коня рогами и забросит далеко-далеко. Вместе с всадником...

Сармы стали совещаться. Я воспользовался оказией и подъехал ближе. На меня не обратили внимания – не до того.

– Почему медлят? – спросил я Сани. – У них же луки.

– Станут стрелять – тур бросится в реку. Тогда его не достать. Сармы не умеют плавать.

– И вода холодная, – философски заметил я. Знать бы тогда, что очень скоро прочувствую это собственной шкурой!

Завершив совет, сармы расступились, предоставляя туру проход к спасению. Одновременно с десятков всадниц погна-ли своих коней в воду и стали заходить бычку в тыл. Тур покосился, но остался на месте. Вода достигла брюха коней, поднялась выше, и сармы вытащили ноги из стремян, чтобы не замочить их. Завершив маневр, они натянули луки и выпустили стрелы в быка.

Стрелять из таких поз неудобно, поэтому часть стрел плюхнулась в воду, другие ударили не сильно. Тур мыкнул, но не двинулся. Сармы выстрелили снова – и с тем же результатом. Бык мычал, мотал головой, но, чувствуя подлость, на берег не выходил. Тогда одна из всадниц, сунув лук в сагайдак, отстегнула копьё и погнала коня к туру. Приблизившись, кольнула его пониже хвоста.

Тур словно ждал. С грацией, невообразимой для его комплекции, он развернулся и боднул рогами. Дико закричала раненая лошадь. Всадница ласточкой взлетела вверх и плюхнулась в воду. Течение понесло ее в сторону. Махая руками, всадница раз-другой показалась на поверхности, после чего

исчезла.

Сармы на берегу завопили и рванулись к реке. Раскручиваясь в воздухе, мелькнули арканы. Они с плеском падали в воду, но попусту – слишком поздно.

Мои рефлексy опередили сознание. Сорвав плащ и шапку, я погнал коня к реке. Сапоги и пояс с мечом стащил на ходу. «Хорошо, что подарил доспех Амаге!» – мелькнула мысль, и в следующий миг кобылка врезалась в воду. Я вскочил на седло и, определив направление, нырнул. «И вот нафига это мне!» – успел подумать, как тут тело обожгло холодом. Мысли исчезли.

У водополя, как я и думал, было не глубоко. Ровное, песчаное дно, плавно уходящее в глубину. Прозрачная вода позволяла смотреть вдаль, чему стоило радоваться, если бы не холод. Одежда защитила меня от температурного шока, но, быстро промокнув, сковала тело ледяным панцирем. Яростно двигая руками и ногами, я плыл в метре над дном, вертя головой. Тело утопшей я заметил скоро, но тут кончился воздух, и я устремился на поверхность. Выскочив, жадно глотнул. Рядом упал аркан.

– Убью, на хрен! – завопил я и, показав кулак, нырнул.

Сарма лежала, уткнувшись лицом в дно и раскинув в стороны руки. Я опустился на ноги, схватил ее за кисть и потащил к берегу. Как? Пешком, конечно. Так быстрее, и меньше вероятности, что подцепят арканом. Зачем, спрашивается, в воду лез? Воздуху до мелководья мне не хватило, при-

шло, бросив утопленницу, выскочить на поверхность еще раз. Сармы смотрели туда, где я был раньше, и мое появление прозевали. Арканы метнуть они не успели. Я опустился на дно, схватил утопленницу и потащил дальше. Когда мы, наконец, показались из воды, к нам ринулась туча сарм. Я заорал, отгоняя их, и сам вынес девчонку на берег. Причитаний мне не хватало! Утонувшая в состоянии клинической смерти, каждый миг дорог.

Удивительно, но меня послушались. Я слышал, как что-то кричала Сани, затем заорала Дандаки, и мне более не мешали. Ощувив под ногами сухой берег, я положил утопленницу, разжал ей челюсти и двумя пальцами вычистил изо рта набившийся песок. После чего взгромоздил сарму животом на подставленное колено – лицом вниз. Сильно надавил с боков, выжимая из легких воду. Из рта утопленницы потекла тоненькая струйка. Еще раз, еще! Все, хватит! Воды выбежало со стакан, больше при утоплении не бывает. Я бросил сарму на спину, повернул ей голову набок, и скрестил свои ладони на ее груди. Раз, два, три, четыре, пять! Теперь – воздух в рот. Раз, два, три, четыре, пять! Вдуть...

На десятом цикле тело сармы выгнулось, и она закашлялась. Я подхватил ее с песка и поставил на четвереньки. Ее вырвало, она зашлась в раздрающем кашле. Все! Дальше без меня.

С трудом разогнув застывшие суставы, я встал. Нас окружала толпа. Прямо передо мной, вперив единственный глаз,

маячила Дандаки.

– Разденьте ее и разотрите! – просипел я, указав на утопленницу. – Согрейте воду и напоите кипятком. Меня тоже.

Сотница рывкнула, нас окружили. С меня стащили одежду и стали растирать бараньим мехом. Телу стала возвращаться чувствительность, я ощутил, как меня бьет озноб. Вынырнувшая как из-под земли Сани протянула мне сухие штаны и тунику – вытащила из вьюков, умница! Я торопливо оделся. Сани подала мне сапоги, а после того, как я обулся – шапку, пояс и плащ. Самой последней в ее руках оказалась фляга.

– Молодец! – похвалил я и приложился к горлышку. Вино скользнуло в желудок, поселив в нем приятную теплоту. Фу-у-у!

Спустя короткое время я лежал у костра, впитывая благодатное тепло. В руке моей покоилась чаша с вином, в котелке над огнем булькало. Аппетитно пахло вареным мясом. Сармы под шумок закололи бычка, и нам достался кусок лопатки. Горячий бульон – это то, что сейчас нужно. У костра находились лишь мы с Сани. Кварта хлопотала у костра, снимая пену.

– Сядь, – сказал я. – Не убежит.

Она послушалась.

– Что ты кричала на берегу?

– Мой господин великий шаман и умеет воскрешать мертвых.

Я едва удержал чашу в руке.

– С чего ты взяла? – спросил, откашлявшись.

– Стал бы ты тащить из реки сарму, если б не собирался ее воскрешать! – пожалала она плечами. – Зачем нам дохлятина? Разве я солгала? Все видели, как ты вдохнул в нее жизнь.

Я почесал в затылке. И вот что теперь: ругать ее или хвалить? Если б не откачал сарму, опозорился бы навек. Пал в глазах сотни ниже копыта. Но мне удалось, и я в авторитете. Сани – умница! Я поманил ее пальцем. Она склонилась, и я чмокнул ее в щечку. Кварта зарделась.

– Господин! – сказала, потупясь. – Я не заслужила такой ласки.

– Это мне решать! – хмыкнул я.

– Знаешь, кого ты воскресил? Ее зовут Бимжи, что означает «голубка». Она дочь Дандаки, единственная.

Я покачал головой. Надо же, как срослось! Выходит, не зря купался.

– Дандаки любит Бимжи, поэтому держит ее при себе. Сегодня та едва не погибла.

Лучше надо детей воспитывать! Зачем было лезть с копьём?

– По обычаю сарм, если шаман возвращает кому-то жизнь, то спасенная принадлежит ему. Теперь Дандаки обязана отдать Бимжи тебе.

Всю жизнь мечтал!

– Отказаться нельзя! – заторопилась Сани, разглядев выражение моего лица. – Оскорбишь.

– Зачем она мне?

– Ну... – Сани потупилась и стала возить пальчиком по траве. – Бимжи – треспарта и очень красивая.

Хм! Не заметил.

– Ты можешь взять ее в постель, и она будет ласкать тебя всю ночь.

– Поэтому Дандаки с радостью ее отдаст? И даже будет настаивать?

Сани кивнула. Нет, добро наказуемо! Мало того, что спас сотнице дочь, так еще и спать с ней? Фиг вам! Я скрутил кукиш и ткнул им в сторону сарм. Сани засмеялась. Она знала, что означает это жест.

– Господин!

Она склонилась и неумело ткнулась губами мне в щеку. После чего вскочила и захлопотала над костром, приняв самый озабоченный вид. Гм... Кажется, меня неправильно истолковали.

...Дандаки явилась, когда мы хлебали варево – ложками, из одного котелка. Сотницу сопровождала спасенная мной Бимжи. Следом сарма из сотни тащила миску с дымящим мясом. По знаку Дандаки миску поставили перед нами, после чего сарма исчезла. Мать с дочкой сели напротив и поджали под себя ноги. Сотница сделала приглашающий жест:

– Угощайся!

В миске исходило паром бычье сердце, из чего я сделал вывод, что нам принесли самое лакомое. Уговоров я ждать

не стал. Разрезав сердце ножом, подцепил половинку и протянул Сани. Вторую взял себе. Сотница поморщилась, но промолчала. Мы с квартирой жевали мясо, запивая его вином. Дандаки и ее дочь молча смотрели. Жуя, я разглядывал Бимжи. Сани не соврала: и в самом деле хорошенькая. На вид лет семнадцать. Глаза узковаты, но остальные черты лица вполне европейские. Вид диковатый, на меня поглядывает с испугом. Ну, да, великий шаман...

Я сделал вид, что поглощен едой. Однако мой интерес к девушке не остался без внимания.

– Нравится дочь? – спросила Дандаки, как только я вытер губы.

Я кивнул – чего скрывать?

– Она твоя. Бимжи молода, здорова и согреет тебя ночью.

– Обойдусь.

Сотница вспыхнула.

– Моя дочь хуже твоей самки?

Она разгневанно глянула на квартиру.

– Сани не греет меня ночами.

– Мне сказали: вы спите вместе! – удивилась Дандаки.

– В одной палатке, но под разными одеялами.

– Не понимаю, – растерянно произнесла сарма. – Ты же муш! Вам нужны женщины!

– Если мы их хотим.

– А ты не хочешь?

Я почесал в затылке. Как ей объяснить?

– Зачем я здесь, Дандаки?

Она удивленно подняла бровь.

– Как ты верно заметила, я мужчина. В Роме нас мало. Поэтому мужчин ценят и лелеют. И вот вместо того, чтобы лежать в мягкой постели, пить вино и наслаждаться ласками женщин, я валяюсь на войлоке у костра. Ночую в палатке, дрожа от холода, отбиваю зад о седло лошади. Зачем, как думаешь?

Дандаки засопела.

– Тебе нужна твоя самка, – сказала тихо.

– Жена, – поправил я. – Если я отправился в этот путь, наверное, есть причины не тащить в постель первую же попавшуюся женщину, пусть даже красивую? Их и в Роме полно. Я прав?

Она кивнула.

– Поэтому не следует обижаться. Я не возьму твою дочь, как не брал других женщин. У меня есть жена, и я ей верен.

– Мне нужно поговорить с тобой! – сказала Дандаки. – Наедине.

Бимжи вскочила и убежала в темноту. Как мне показалась, с облегчением. Сани удалилась нехотя. Сотница проводила ее взглядом.

– Прежде, чем заговоришь, – упредил я ее, – я хочу знать, что с Виталией?

– Она жива, – пожалала плечами Дандаки. – Ее сытно кормят. Скрести шкуры – дело тяжелое, работнице нужны силы.

– Вы заставили ее скрести шкуры?! – воскликнул я.

– Это лучше, чем собирать сухой навоз, – заметила сотница. – Там приходится нагибаться, а беременной это трудно. Скрести можно на четвереньках.

Я с шумом выдохнул воздух. Ну, гады вонючие! Только доберусь!

– Я говорила, что ты странный, – сказала Дандаки. – Так переживать за свою самку! Хотя я видела такую любовь. Его звали Луций. Он попал в плен еще до моря. Жил в храме, спал со жрицами. Мада – его дочь. Когда у нее случились первые Дни, Луций забрал Маду к себе и отказался спать с другими женщинами. Ему угрожали, но он настоял на своем. Семя давал, но спал только с возлюбленной. Она родила ему трех сыновей.

– Мальчиков? – удивился я. – Человеческих?

– Они были без хвостов, – подтвердила сотница. – К сожалению, дети умерли – родились слишком слабыми. Но само их появление восприняли, как знак Богини. Маду избрали Великой матерью. Луций помогал ей править. Их боялись...

«У сарм верховная жрица правит Степью, – вспомнил я. – Если, конечно, этими дикарями можно управлять...»

– Теперь Мада умирает, – продолжила сотница.

Я насторожился.

– У нее на теле возникли бурые и черные пятна, их все больше, и они растут в размерах. Зудят. Мада слабеет и очень похудела. Эту болезнь у нас зовут «шикри». От нее

умирают.

«Похоже на меланому», – прикинул я.

– Мада не верит в скорую смерть. Считает, что болезнь из-за того, что у нее нет мужчины – молодого и сильного. Он воьет в нее жизнь. Поэтому и вызвала тебя в Балгас. Ты сможешь ее вылечить?

– У нее вздулись узлы под мышками?

Дандаки кивнула.

– Не смогу.

Дандаки вздохнула, как мне показалось, с огорчением.

– Со смертью Мады в Степи случится война. Желających занять ее место много. Обычай требует, чтобы Великая мать несла в своих жилах кровь людей, имела чистое, без изъянов тело. Она должна зачать от человека. Таких сарм почти не осталось. Орды станут выдвигать женщин, рожавших от наших мушей – таких хватает, и кончится тем, что все переделается. Будет большая война. Ее можно остановить...

– Позволь, догадаюсь! – перебил я. – Бимжи! Если она забеременеет от меня...

Дандаки кивнула.

– А она не молода для Великой матери?

– Маду избрали в семнадцать, – пожалала плечами сотница. – Бимжи столько же. К тому же я рядом.

«Ты станешь повелевать Степью из-за спины дочери, – дополнил я мысленно. – Кто бы мог подумать: у кочевников – и такие страсти! Мадридский двор!»

– Ты согласен? – спросила Дандаки.

– Что взамен?

– Я помогу тебе вернуться в Рому – вместе с женой. Мада, как понимаешь, не собирается тебя отпускать.

– Она дала слово.

– Отпустить женщину. Это она сделает – рома ей не нужна. А вот тебя задержат. Даже смерть Мады этого не изменит. Человеческий муш – слишком большая ценность. Его дочери могут претендовать на место верховной жрицы. Орды передерутся за обладание тобой, начнут войну. Могут и зарезать, чтоб не достался врагу. Убийство муша – великое преступление, за такое ломают хребет, но в войну случается.

«Веселенькая перспектива!» – прикинул я.

– Я родила Бимжи от Луция, – сказала сотница. – Мне повезло получить его семя. Он был немолод, и Бимжи стала последней его дочерью. Она – кровная сестра Мады, это известно, к тому же не путалась с мужчинами-сармами. Другие успели от них родить, а Бимжи чиста. Ей достаточно забеременеть от человека...

– Поэтому ты привела ее ко мне?

Дандаки кивнула.

– У нее Дни?

Сотница покачала головой.

– Тогда зачем?

– Нужны свидетели, которые подтвердят, что Бимжи спала с тобой.

– Воины из твоей сотни? Им не поверят.

– Тогдаждемся родов. Доказательством станет ребенок.

– Тем временем случится война. В ходе ее Бимжи могут убить. Этого, кстати, захотят в первую очередь. Если нет железного претендента, дорога открыта.

– Ты не глуп, пришлый! – вздохнула сотница. – Но я не знаю другого способа.

– Можно поискать.

Дандаки уставилась на меня единственным глазом.

– Представь себе! У Бимжи наступают Дни, ты собираешь почтенных сарм из тех, кто пользуется доверием. На их глазах Бимжи и... – я закашлялся, – мужчина удаляются за дверь или занавес – не знаю, что там у вас найдется, и все слышат характерные звуки. – «Затем гостям вынесут окровавленную простыню», – хотел добавить я, но вовремя спохватился. Девственность, как явление, в Паксе отсутствует – не предусмотрена местной природой эта деталь у аборигенок. – После чего гости могут убедиться, что Бимжи получила требуемое. Как скоро у вас наступают признаки беременности? Ну, там, живот?

Сотница хмыкнула.

– Сколько женщин ты брал в Паксе, пришлый?

– Одну.

– Рома расточительны! – покачала головой сарма. – Позволить зря тратить драгоценное семя... Ну, так слушай! Когда сарма готова к беременности, она впадает в безумие, ко-

торое рома зовут «Дни». Мы говорим: «Анук». Анук может длиться декаду. Получив семя, женщина беременеет, и Анук немедленно прекращается. От беременной исходит особый запах.

– Я не чувствовал его у жены.

– У пришлых плохой нюх! – усмехнулась сотница.

– Достаточный, чтобы ощутить, как вы воняете! – не сдержался я.

– Ты, пока не прыгнул в реку, тоже не пах цветами! – хмыкнула Дандаки. – В Степи негде помыться. Не беспокойся! В Балгасе есть бани, и тебя туда отведут. Если пожелаешь, то вместе с Бимжи.

– Лучше с женой!

– Как скажешь! – пожала она плечами. – Но Бимжи все равно вымоют и умастят маслом. Когда Анук прекратится, и от Бимжи запахнет, можешь уезжать. Я позабочусь, чтоб вам не мешали.

Глаз Дандаки блеснул.

– Этого мало, – сказал я.

– Чего хочешь еще? Золото?

– У меня оно есть. Ты дашь слово, что Степь прекратит набеги на Рому.

– Это не просто сделать! – покачала головой Дандаки.

– А кому легко? – развел я руками. – Но я согласен только на этих условиях.

– Я подумаю! – сказала сотница и встала. – Но мне нра-

вится твоё предложение, муш!

– Меня зовут Игрр, Дандаки!

Она кивнула и удалилась. Вернулась Сани, и мы легли спать. Сон не шел. Я ворочался, одолеваемый мыслями. Во что я ввязываюсь? Зачем? Мне нужно всего лишь спасти Виту. К чему интриги? «Виту захватили в плен, – вмешался внутренний голос, – и могут вновь. Кто даст гарантию, что этого не случится? Пока сармы с рома воюют, жизнь Виты в опасности. Она не захочет уйти из алы – ей нравится служба. Ты хочешь остаться вдовцом? Брось сомневаться! Бимжи – красивая девочка, сегодня вы вместе купались, – голос мерзко хихикнул. – Заодно и помылись. Приголубь ее! Тебе понравится!»

«Заткнись! – посоветовал я голосу. – Расскажу Вите, и она мне запретит. Она ревнивая».

«Это точно! – согласился голос. – Будет и дальше скрести шкуры».

Я плюнул и выругался.

– Что-то случилось, господин? – послышался голос Сани.

– Спи! – откликнулся я. – Привиделось...

Сани вздохнула и придвинулась ближе. От нее пахло травами. «Как ей это удается? – подумал я. – Помыться негде, от сарм несет, да и от меня, как сказали, а Сани как будто в ароматической ванне искупалась».

«Вот и проверь! – посоветовал мне голос. – Не видишь, девочка страдает? Доставь ей удовольствие! И себе. Хватит

строить из себя недотрогу! Не мальчик. Наслаждайся сам и дай насладиться другим!»

«Я подумаю над этим!» – пообещал я, и голос утомился.

4.

Флавия, принцепс. Довольная.

Валерия переступила порог и выбросила кулак от груди.

– Аве, принцепс! Аве, проконсул!

– Проходи, трибун! – пригласила я.

Твердо ступая, Валерия приблизилась к столу и положила на мраморную столешницу тубус. Я указала на селлу. Трибун опустилась на украшенное резьбой деревянное сиденье.

– Говори! – велела Лаура.

– В РOME спокойно, – доложила Валерия. – Осуждение заговорщиц не вызвало волнений. Их клиенты пробовали возмущаться, но недовольных разогнали древками пилумов. Наблюдавшая за этим толпа смеялась: заговорщицы не пользовались популярностью. Сейчас вигилы охраняют конфискованные дворцы, квесторы ведут опись имущества. Когорта может идти в Степь.

– РOME нельзя без преторианцев! – нахмурилась Лаура.

– Разумеется! – кивнула Валерия. – Поэтому пойдет половина. Центурии бросили жребий.

– Так много желающих? – удивилась Лаура.

– Захотели все.

– В том числе дочки сенаторов? Не могу поверить!

– Тем не менее, это так. Ты забываешь, проконсул, что Иггр – преторианец. Его жена, Виталия, служила в преториии

и покинула его по ранению. Преторианцы своих не бросают, тебе ли этого не знать?

Я с трудом сдержала улыбку. Валерия – умница, ловко приструнила наставницу! Лаура сама когда-то командовала преторием... Она не любит Игрра, но решение принимать мне.

– Есть еще обстоятельство, – продолжила Валерия. – В РOME появилась семья, первая за тысячу лет. Если спасем ее, нас ждет слава. Певцы будут петь нам гимны. Участник похода получит дополнительные голоса на выборах. Поэтому те, кому не выпал жребий, просили, требовали и угрожали. Центурионы чуть не передрались. Паулина до сих пор дует-ся.

– Ладно, – вздохнула Лаура. – Доложи план.

Валерия извлекла из тубуса и раскатала на столешнице пергамент. Мы склонились над картой.

– Когорта минует Малакку и пойдет к Арно, – провела пальцем Валерия. – Так мы выиграем два дня. Источники воды по пути есть, продукты и палатки повезем на повозках.

– Почему к реке? – удивилась Лаура.

– Перед тем, как Игрр отправился в Балгас, мы согласовали действия. Из Балгаса ему придется бежать: сармы не собираются его отпускать. Пришлый – слишком большая ценность. Виталия им без нужды, поэтому она уедет из Балгаса сразу – вместе с проводником. Игрр выберется позже.

– Он заблудится в Степи! – не удержалась я. – Или же его

перехватят.

– Нет, принцепс! Игрр уйдет по воде – на лодке.

– Так на Арно – пороги! – хмыкнула Лаура. – Целых три.

– Первые два, если плыть от Балгаса, преодолимы. Перед третьим Игрр пристанет к берегу. Оттуда до земель Ромы рукой подать. Мы будем ждать его у границы. Проводник с Виталией пойдут берегом и неизбежно наткнутся на нас. Как только все окажутся в лагере, мы снимемся.

– Сколько намерены ждать? – спросила Лаура.

– Думаю, декаду. Больше нежелательно. Мы не будем пересекать границу, но Степь рядом. Сармы бросятся собирать орды. Нужно уйти прежде, чем они подойдут. Нас слишком мало – против большого войска не устоим.

– Успеете за декаду? – спросила я.

– По моим расчетам, Игрр сейчас на подходе к Балгасу. Через два-три дня оттуда выедет Виталия. От Балгаса к нашей стоянке декада пути. Когорта будет там раньше. Мы увидим Виталию, едва разбив лагерь. Через несколько дней приплывет Игрр. Он обещал, что в Балгасе не задержится.

– Игрр справится с лодкой? – спросила я.

– Он сам предложил этот план. Сказал, что в том мире он плавал в них. Арно – спокойная река, бурлит только на порогах. Течение быстрое, лодку понесет скоро.

– Ему понадобится приставать к берегу, – заметила я. – Хотя бы на ночлег. Сармы вышлют погоню и переймут.

– Левый берег Арно пустынен, сармы там не живут. Каме-

нистая почва, мало травы... Приставать можно смело. Ниже Балгаса встречаются острова. Они маленькие, но одному переночевать можно.

– А если погоня на лодках?

– У Игрра будет запас времени. Он планирует уйти незаметно. Имея фору, он легко спрячется в какой-нибудь заводи. Берега Арно изрезаны, там хватает укромных мест. Остается надеяться, что у него получится, – Валерия вздохнула. – Мы принесем жертвы Богине-воительнице.

Я кивнула – обязательно следует.

– Вторая центурия идет в поход?

– Да, принцепс! – кивнула Валерия. – Ей повезло со жребием. Контуберний, в котором служил Игрр, счастлив. Девочки прыгают от восторга. Они любят Игрра

«Еще бы! – подумала я. – Он спас их шкуры. Удайся покушение, их бы казнили».

– Кто поведет центурию? Руфина ушла в отставку.

– Есть опцион², – Валерия опустила взгляд.

«Но ты не хочешь ее центурионом, – дополнила я. – Опцион не молода, и не сегодня-завтра закончит службу. Что ж... Валерия заслужила награду».

– Центурии нужен постоянный командир – тем более, в походе. Что скажешь насчет Пугио?

– Девчонке нет двадцати! – возмутилась Лаура. – Кто станет ее слушать?

² Опцион – заместитель центуриона в римском легионе.

– Пугио служит с четырнадцать лет! – вступилась Валерия. – Ее контуберний – лучший в центурии.

– И еще она твоя дочь, – усмехнулась наставница.

– Пугио отличилась, спасая принцепса, – вмешалась я. – Без нее Игрру пришлось бы плохо – да и мне, пожалуй. Ранив Касинию, Пугио не позволила ей уйти, благодаря чему мы раскрыли заговор и наказали наших врагов. Декан заслужила повышение. Я подпишу указ. Сегодня же!

– Благодарю, принцепс! – Валерия встала и поклонилась. – Я могу идти?

– Да, трибун.

– Вале, принцепс!

Валерия выбросила кулак от груди и торопливо вышла.

– Побежала обрадовать дочку! – усмехнулась Лаура. – Ты лихо раздаешь должности, Флавия! В бытность мою трибуном, чтоб стать центурионом, служили десять лет.

– Времена меняются, – заметила я.

– То-то и оно! – вздохнула Лаура.

– Что тебе не нравится? – удивилась я. – Заговор подавлен, Октавия с дочерью, как сообщили «фармацевта», покончили с собой. Не думаю, что пришлые врут – это не в их интересах. Храмовая стража вернулась в Рому и присягнула Северине. В РOME спокойно.

– Надолго ли?

– Что ты хочешь сказать? – насторожилась я.

– Допустим, выйдет, – Лаура ткнула пальцем в оставлен-

ную карту. – А что дальше? Ты не станешь уверять, что поход из-за Виталии?

– Не стану.

– Тогда из-за чего?

– Мне нужен Игрр.

– Зачем?

– Чтобы выйти за него замуж.

– Игрр женат!

– Древний закон Ромы, восстановленный после мора, не запрещает иметь нескольких жен – я специально уточнила. Видимо, мужчин и тогда не хватало.

– Я тоже смотрела закон! – хмыкнула наставница. – Для второго брака нужно согласие первой жены. Виталия его не даст. Забрать у нее Игрра не получится – Рома восстанет.

– У меня есть, что предложить Виталии. Она разорена. Дом отнят за долги, денег нет, а ей нужно растить дочь.

– Игрр сможет их содержать.

– «Кошке» это стыдно. Я сделаю Виталии небывалое предложение. Она станет сенатором и моей родственницей. Наши девочки будут расти вместе. Никто в Роме не откажется от такой чести.

– У Виталии нет имущественного ценза. Ты же сказала: она разорена. Где взять пять тысяч золотых?

– Из имущества заговорщиц. Оно конфисковано и принадлежит Роме. Как принцепс, я могу им распоряжаться.

– Тебя обвинят в злоупотреблении!

– Кто? – усмехнулась я. – Сенаторы? Они боятся слово сказать!

– Забываешь о Северине. Она не только понтифик, но и народный трибун.

– Я дарю имущество «кошке» высокого рода. Она отличилась весной, отбив пришлых у сарм, затем пошла в плен ради спасения турмы. Виталия поступила благородно. По возвращении ее ждет дубовый венок. Северина проголосует двумя руками! Она терпеть не может изнеженных сенаторов, Виталия – другое дело.

– Ты многому научилась, – покачала головой Лаура.

– У меня был хороший учитель.

– Я бы не сказала.

– Почему? – удивилась я.

– Я учила тебя отделять чувства от долга. Жаль, не преуспела. Ты сгораешь от желания получить Игрра. Это туманит твой разум. О том, что случится после, не задумываешься.

– А есть о чем?

– Ты подашь РOME пример. Нолы захотят мужей. Где их взять? У нас триста пришлых на два миллиона нол. Из них двести тысяч димидий и треспарт. Как им поделить мужчин? Сегодня те доступны – были бы деньги. Мужьями не делятся. За пришлых примутся воевать. Нас ждут потрясения, несравнимые с заговором. Ты этого хочешь?

Я задумалась. Наставница, как всегда, права, но только от-

части.

– Поговорю с Игрром, и он что-нибудь придумает.

– Наставница, значит, более не нужна?

Лаура отвернулась. Я подбежала и заглянула ей в глаза. Они были сухими и злыми. Я попыталась ее обнять, но Лаура отстранилась.

– Игрр несет нам беду, – сказала сердито. – Он меняет уклад, который существовал столетиями. Вопреки обычаям, мы принимаем пришлого в преторий, где он становится всеобщим любимцем. Женитьба на «кошке» превращает Игрра в легенду. Преторианки, презиравшие мужчин, готовы лить за него кровь. Теперь вот принцепс пожелала Игрра в мужья. А как же правило, требующее от нее беременеть в храме? Я не удивлюсь, если с появлением Игрра меня выставят за дверь. Твоим советником станет мужчина. Ты будешь смотреть ему в рот и делать все, что он пожелает. Добром это не кончится. Наш мир рухнет.

– Или преобразится, – возразила я. – Подумай сама! Ты же читала летописи. Тысячу лет назад Рома процветала. Люди брали нол замуж, в семьях рождались девочки и мальчики. Мы вместе трудились и воевали. Это устраивало всех, кроме жриц Храма. Они устроили заговор. Что в итоге? Рома захирела. Прежде сармы не приближались к нашим границам. Теперь следует набег за набегом. Три года назад сармы едва не взяли Рому. Отселив людей, мы потеряли воинов и советчиков. Мы брали у них семя, но и оно кончилось, когда

случился мор. Теперь платим золотом, чтоб не выродиться. Мужчин мало, треспарт и димидий рождается все меньше.

А ведь десять веков назад мы не платили за детей! У нас были мужья, которые любили и почитали нас. Почитай стихи древних поэтов! Как они воспевают возлюбленных! Разве поэты брали за любовь деньги? Это мы сделали пришлых лупами, развратили и обозлили людей. И вот один проявил честь и достоинство. И что? Мы отобрали у него жену и попытались его убить. Однако Игрр не озлобился. Вместо этого надел форму преторианца. Служил, как все, не ропща и не сетуя. Лечил преторианок, искал, как помочь Виталии. Задумайся, кому? Разве Виталия сенатор или хотя бы купец? Обычный декурион, никому не нужная, кроме своего мужа. И ты утверждаешь, что Игрр мечтает разрушить наш мир? Он очень добрый и порядочный человек. Ему покровительствует удача. Если бы в ту ночь я не пригласила его к себе, то была бы мертва. Ты, кстати, – тоже. Думаешь, Октавия пощадила бы тебя?

– Она затеяла этот заговор из-за Игрра. Он обидел ее, угрожая ее дочери.

– Нет! – замотала я головой. – Не из-за этого. Октавия любила власть. С появлением Игрра она стала ее терять, потому всполошилась. Тысячу лет назад жрицы храма поступили так же. Пойми меня. Я хочу Игрра не потому, что потеряла голову. После покушения я много думала и пришла к выводу: только Игрр спасет Рому.

– Как?

– Помнишь разговор у Виталии? Тогда Игрр сказал: в его мире не знают о Паксе. Будь иначе, сюда поехали бы мужчины. Просто так, добровольно. Мы получили бы мужей, а Рома – умных граждан.

– Ты уверена? – хмыкнула Лаура. – Не замечала у пришлых особого ума. Игрр – исключение.

– Он попал к нам случайно. «Фармацевта» подбирают для нас необразованных мужчин, Игрр об этом говорил. Они не хотят, чтоб мы развивались. Но даже необразованные творят чудеса. Один из друзей Игрра перестроил в Роме кирпичный завод. Сделал машины, которые лепят кирпичи. Те получают крепкими и стоят дешевле.

– Ты хорошо осведомлена! – удивилась наставница.

– Меня хорошо учили. А теперь подумай! Две тысячи лет назад мы не отставали от мира пришлых. Все было одинаковым. Но утекли века, и люди ушли вперед. Они ездят в повозках без коней, летают в небе на железных птицах. Они научились лечить болезни и живут по семьдесят лет. Некоторые доживают до ста. Это рассказал мне друг Игрра Ольг, построивший кирпичный завод.

– Ты ездила к нему?

– Выбирала кирпич, – усмехнулась я. – На самом деле, хотела поговорить об Игрре.

– И что поведал Ольг?

– У него плохая латынь, я не все поняла. Ольг сказал, что

«Док» – так он называет Игрра – «классный мужик», каких в его мире поискать. Я не поняла, что означает «классный», и почему «мужик», но, судя по выражению лица Ольга, это похвала. Я спросила, может ли Игрр зазвать в Пакс мужчин? Не помешают ли «фармацевта»? На что Ольг ответил, что Игрр, если захочет, сможет все. «Он вас тут поставил на уши! – сказал Ольг. – Что ему какие-то аптекари? Я сам им глаза на задницы натяну и заставлю моргать». Видимо, в мире людей существует такая пытка. Еще Ольг вспомнил, как Игрр победил в бою сарм и вынудил храм уступить его контракт. «У него не голова, а дом советов! – заявил Ольг. – А его Виталия – красавица и конкретная баба!» Ольг сказал, что Игрр порвет сарм, как Тузик грелку, пусть только те не отдадут Виталию. Я не знаю, что значит «конкретная баба». Мне не ведомо, кто этот «Тузик» – Ольг этого не объяснил – но, видимо, это великий силач, раз рвет бронзовые грелки. Я думаю, что уловила смысл слов Ольга. Нам повезло, что в Паксе появился такой человек, как Игрр. Если в его голове – советы, то их нужно спросить.

– Проход контролируют «фармацевта»! – заметила Лаура.

– С той стороны. С этой – мы. Если не договоримся, то захватим проход.

– После чего Игрр уйдет в свой мир! – сказал Лаура. – Ему не нравится здесь.

– Мы должны сделать, чтоб он остался. У него есть любимая, и ее необходимо вернуть Игрру. Для этого когорта идет

в Степь. Мы обязаны дать понять Игрру: в РOME ценят и уважают его. Что послужит лучшим доказательством, чем брак с принцепсом? У себя Игрр был обыкновенным медикусом, к тому же бедным. Здесь он станет мужем правительницы и отцом наследницы.

– Ты выросла! – вздохнула Лаура. – А я и не заметила.

– Это плохо?

– Неожиданно. Ты стала похожа на свою мать. Флавия Старшая была необыкновенно умна. Когда она умерла, Рома плакала.

Я кивнула. Помню.

– Не знаю, что выйдет, – добавила наставница, – но я надеюсь, что Игрр не заслонит меня перед тобой.

– Ни за что! – засмеялась я. – Мне понадобятся твои советы. У меня будут дети. Где я найду лучшую наставницу?

– Подлиза! – сказала Лаура и улыбнулась. Я обняла ее и лизнула в щеку, получив ответ такую же ласку. На душе стало спокойно и хорошо. Мир восстановлен, Лаура – моя союзница. Теперь главное, чтобы вернулся Игрр. Я соврала наставнице. На самом деле я безумно его люблю. Мечтаю о дне, когда мы возляжем за столом. Моя голова будет покоиться на его груди, и он станет кормить меня, как Виталию. Я жажду прикосновений его сильных и ласковых рук, хочу стать с ним одним целым – поэты утверждают, что это восхитительно. Я скучаю по нему. Но Лауре это не обязательно знать. Ведь так?

В это же время. Москва, Россия

Мужчина средних лет, непримечательной наружности и в таком же непримечательном костюме, нажал кнопку громкой связи и бросил в микрофон одно слово:

– Зайди!

Спустя пару минут дверь в кабинет распахнулась. На пороге возник парень лет тридцати, в костюме, но весь какой-то расхристанный. Пиджак сидел на его плечах, как клифт на вороне. Воротник рубашки парень расстегнул, а узел его галстука сполз едва ли не до пупа. Было видно, что пиджак с галстуком набросили впопыхах, да еще с показной небрежностью.

– Проходи, Саша! – сказал хозяин кабинета, указывая на стул.

Посетитель преодолел пространство до стола и плюхнулся на стул. По губам хозяина кабинета скользнула едва заметная усмешка. Но он старательно согнал ее с лица.

– Слушаю, Родион Яковлевич! – сказал Саша, шмыгнув носом.

– Есть задание, очень сложное.

Саша подобрался, как кошка, заметившая воробья.

– Честно говоря, даже не знаю, кому поручить, – продолжил Родион Яковлевич, сделав вид, что не заметил этой реакции. – Нужно разыскать человека, о котором известен только ник.

Саша презрительно скривился.

– Речь не о том, чтобы по «ай-пи»-адресу вычислить фамилию, имя, отчество и адрес проживания, – продолжил шеф. – С этим и девочки в отделе справятся.

Родион Яковлевич сделал паузу. Саша кивнул. По его лицу читалось: мнение насчет «девочек» он полностью разделяет.

– Этот человек, врач по профессии, исчез с форума семь месяцев назад. Перед этим написал, что уезжает за границу – на «пээмжэ». С тех пор ни слуху, ни духу.

– Обычное дело, – пожал плечами Саша. – Пока приживется, освоится...

– Не похоже. Во-первых, обещал, что по приезде непременно сообщит. А он держит слово – я успел убедиться. Во-вторых, ехал работать по официальному контракту. Слышал про компанию FAGG?

– Фармацевты?

– Они! – кивнул шеф.

– Тогда все просто. Те секретят разработки почище Пентагона. Запретили светиться.

– Он ехал работать не фармацевтом. Обычным стюардом. Брови Саши взлетели вверх.

– Странная история, – кивнул Родион Яковлевич. – Зачем могущественной корпорации искать в России стюардов? Явно не их профиль. Но Док – такой ник у нашего фигуранта – это подтвердил. Еще добавил, что летит в Турцию и не один.

– Интересно! – хмыкнул Саша. – Что подозреваете? Наркотрафик?

– FАGG не станет связываться с наркотой, тут другое. Похоже, что торговля людьми.

– На органы?

– Надеюсь, что нет, – вздохнул Родион Яковлевич, – но исключить нельзя. История мутная, надо хорошо порыться.

– Сделаем! – Саша радостно потер руки.

Шеф улыбнулся и протянул ему листок. Подчиненный пробежал глазами текст.

– Что известно, кроме ника и форума?

– До отъезда работал участковым терапевтом в райцентре.

– Зачем же стюардом? – удивился Саша.

Начальник потер большим пальцем о средний. Саша кивнул и, не спрашивая позволения, выбежал из кабинета. Родион Яковлевич пробарабанил пальцами по столу марш и вздохнул. С Доком они познакомились на одном из форумов, где начальник службы ФСБ появлялся по долгу службы и по стремлению души: ему нравилась обитающая там публика. Пользователь с ником «Док» приглянулся ему. В отличие от многих других, парень не стебался ради того, чтобы выделиться, не обижался на язвительные выпады и никому не хамил. Его посты отличались логикой и информативной насыщенностью: Док писал не затем, чтоб просто кукарекнуть. Эрудиция парня впечатляла: он разбирался не только в медицине – Док не скрывал, что он врач, – но и в кино, бое-

вых искусствах и даже в лошадях. Родион Яковлевич (он же «Род»), как-то не удержался и спросил, откуда Док так много знает? Его сведения явно не из Википедии. На что виртуальный знакомый ответил: «Пью мало!» и поставил смайлик...

А потом... После ежегодной диспансеризации подполковнику позвонила терапевт из ведомственной поликлиники. Она сообщила, что нужно пройти дополнительное обследование – в онкологическом диспансере. Родион насторожился и стал задавать вопросы. Врач промямлила, что ничего страшного не произошло, просто в анализе крови обнаружено повышенное содержание специфического антигена «пэс-эа», в таких случаях обследование рекомендуется.

Название антигена и цифру в анализе Родион Яковлевич записал, после чего полез в Интернет. Прочитанное свергло его в ступор. Рак с большой долей вероятности... Врачи, комментирующие такие анализы, уверяли, что волноваться не нужно. И вообще рак сегодня хорошо лечится. Подполковник кожей чувствовал в их словах фальшь. Вечером он нарезался. «Сорок пять лет, – бормотал, щедро напуская в бокал коньяку, – всего сорок пять. И все, писец...» Опорожнив бутылку, подполковник по привычке включил ноутбук и полез в Интернет. Полистав, отчетливо осознал: все это отныне не интересно. На глаза попало очередное сообщение «Дока». В трезвом виде Род бы этого никогда не сделал. Он не любил делиться сокровенным, да и в конторе это не приветствовалось. Но сейчас кликнул по вкладке «личное со-

общение» возле аватарки Дока (казак с шашкой на коне), и в открывшемся окошке торопливо набрал: «При анализе в крови обнаружили антиген «пэсэа» 19,8, что в пять раз выше нормы. Подозревают рак, посылают в онкодиспансер. Что делать?»

Ответ пришел почти мгновенно: «Не паникуйте. В онкодиспансер не ходите – там и здоровый заболеет. Пересдайте анализ. Только накануне три дня не пейте и избегайте эякуляции». В конце сообщения стоял смайлик, намекающий на то, что Док имел под «эякуляцией». Именно этот смайлик и привел Родиона в чувство. Если врач шутит... Совету виртуального знакомого он последовал скрупулезно. В результате даже поссорился с любовницей, имевшей виды на старого холостяка. Та решила, что Родион завел себе другую, и надулась. Подполковник не стал ее переубеждать – сама одумается. Не доверяя ведомственной поликлинике, он сдал анализ в частной лаборатории. Назавтра ему выдали распечатку. Разглядев значащуюся в ней цифру, подполковник сначала мысленно выругался, затем расцвел и попытался расцеловать лаборанта – немолодую женщину унылой наружности. Та испуганно отпрянула. Подполковник извинился и ушел.

Распечатку он отвез в поликлинику, где с торжественным видом положил перед терапевтом.

– Странно! – удивилась та. – Почему так? В первом анализе антиген в пять раз превышен, а здесь в норме. Недели не прошло!

– Просто накануне сдачи анализов нельзя пить и иметь дело с женщинами, – снисходительно просветил подполковник.

– Это кто вам сказал? – удивилась терапевт.

– Один врач, – ответил Родион Яковлевич и добавил со значением: – Очень хороший.

Терапевт поджала губы и прибрала бумажку. В тот же день Родион отправил Доку очередное сообщение: «Повторный анализ нормальный. Спасибо!» Ответ был столь же лаконичным: «Не злоупотребляйте. Простату нужно беречь». В конце письма стоял уже знакомый подполковнику смайлик.

... Саша заглянул в кабинет начальника поздним вечером.

– Значит так, – начал, заглядывая в наладонник – бумагой для записей ведущий специалист управления не пользовался принципиально. – Полное имя фигуранта – Овсянников Игорь Геннадьевич. В настоящее время 29 лет, врач общего профиля, до увольнения работал участковым терапевтом в Н. Там у него собственная квартира, полученная в наследство от умершей тети. Не женат и не был, близких родственников не имеет. В Турцию вылетел 13 ноября прошлого года с тремя спутниками: Олегом Смирновым, Алексеем и Степаном Шимко. Последние двое – близнецы. Смирнову 25 лет, братьям Шимко по 18.

– Даже это раскопал? – удивился шеф.

– Проще простого! – хмыкнул Саша. – Билет на самолет Овсянникову купили по корпоративной карточке, осталось

только выяснить, кому еще. Остальное – дело техники. Но вы были правы: компания странная. Овсянников врач, остальные трое – работяги. Смирнов – автомеханик, а близнецы числились на заводе подсобниками. Они детдомовцы, у них даже среднего образования нет. Что объединяет всех, так это полное отсутствие близких родственников.

– Блядь! – выругался подполковник.

– Именно! – кивнул Саша. – Заявление о пропаже подать некому. Похоже, их отбирали целенаправленно. Тут вот еще, Родион Яковлевич. Отследил я ноутбук Овсянникова. Он не из самых продвинутых пользователей – такие безопасностью не заморачиваются. У них браузер помнит имя и пароль, при запуске открывает страницу форума. Движок сайта запомнил сетевой адрес. А тут хлоп – регистрация из Турции.

– Чья?

– Какой-то турчонок. Полный ламер. Тусуется в социальных сетях среди таких же пацанов.

– Что пишет?

– Он по-турецки... Вкинул в гугл-транслейтер – абракадабра какая-то, – Саша развел руками. – В принципе понятно: пацаны пиписьками меряются. Обычное дело. Как попал ноут к турчонку, вопрос. Может, сам Док продал, а, может, силой забрали. Настораживает.

Подполковник кивнул, соглашаясь.

– Ни о ком из четверых сведений в сети нет, – продолжил подчиненный. – Правда, это не один день копать надо, –

Саша деланно вздохнул. – Однако ни в судовых ролях круизных судов, ни в отелях сотрудники с такими именами не значатся и не значились. Еще одно: всем четверым открыли туристические визы. Через три месяца их должны были выслать или продлить пребывание. Ни первого, ни второго не случилось – я слегка покопался в служебных ресурсах одного иностранного государства. Тут транслейтер помог.

Саша скромно опустил взор. Подполковник погрозил подчиненному пальцем. Тот в ответ сделал невинное лицо.

– Что дальше, Родион Яковлевич? – спросил, глянув в глаза начальнику. – Продолжаем?

– Непременно! – кивнул подполковник. – Ты вот что... Поройся еще в сети: вдруг имена где-нибудь всплывут? Но если глухарь, лезь в FAGG! Нужно выяснить, отправляли ли они кого-нибудь в Турцию – из России или из других стран? Если да, то когда, и объявились ли эти люди позже.

– Ну... – лицо Саши приобрело мечтательный вид. – Это ж сколько работы...

– Остальные дела передай другим, – кивнул подполковник. – Я предупрежу начальника отдела.

– Родион Яковлевич! – Саша прочувствованно хлопнул себя по груди. – Да я этих аптекарей... У них, конечно, защита хорошая – профессионалы работали, но что бы ни сделал иностранец, русский человек всегда может сломать.

– Гляди! – шеф погрозил пальцем. – Если оставишь следы...

– Тащ полковник! – вытянулся Саша. – Обижаете! Все сделаем без скрипа и пыли. Пиндосы в жисть не догадаются, что в их кладовке шарили. Кстати, если полезу, может, чего взять для Родины? Ну, скажем, формулу лекарства с технологией производства? Или еще чего? Почему не пощипать буржуинов? Они, вон, сколько на нас зарабатывают!

– Саша! – покачал головой начальник. – Ты же сотрудник ФСБ, а не кибервор!

– Разница небольшая! – буркнул себе под нос подчиненный. Подполковник этого не услышал – к счастью для Саши. Кивнув начальнику, он торопливо вышел, словно опасаясь, что шеф одумается и отменит приказ. А подполковник выбил пальцами привычную дробь, после чего вздохнул.

«Во что же ты вляпался, Док? – подумал сердито. – Куда тебя занесло?»

Ответа на этот вопрос Родион не знал, и поэтому злился.

5.

Виталия, старший декурион турмы. Пленная

Бац!

Ком грязи врезался мне в бок. Вопль, тонкий и визгливый, раздался следом:

– Ромская сучка! Лягушка беременная!

Гайя трепыхнулась и недовольно ударила ножкой изнутри. «Тихо, девочка! – попросила я. – Не нужно! Пожалуй-ста!» Гайя замерла. Умничка! Я, как ни в чем не бывало, провела скребком, сдирая со шкуры остатки жира и мяса, после чего постучала тупым лезвием о камень. Неопрятная полоска жирных ошметков соскользнула с железа и заняла место рядом с такими же. Вечером я это соберу и брошу в общий котел – выйдет похлебка. Другой не ожидается – здесь ешь то, что соскребешь со шкур. В первые дни меня выворачивало от такой пищи, но потом привыкла. Жирная похлебка – обычная еда в землянке рабынь, для пленной ромы готовить отдельно никто не станет. Если хозяйка в настроении, дают кости. Мясо с них, конечно, срезано, но можно погрызть хрящ – это заменяет хлеб. Пленные о нем только мечтают – слишком дорог. Сармы не выращивают зерно, его привозят из Румы...

Бац!

Метко пущенный ком грязи плюхнулся в старательно со-

бранные мной ошметки, разбросав их в разные стороны. Да что это такое! Пропал ужин! Если не принесу добычу, мне не дадут есть. Я ощутила, как на глазах закипают злые слезы. Гайя снова шевельнулась и сочувственно тронула изнутри ножкой. Она меня всегда жалеет... Проклятая сарма! Вонючка поганая! Изю дня в день она изводит меня, швыряясь грязью, но сегодня перешла все границы. Я могу обойтись без ужина – мне не привыкать, но нас с Гайей двое. Моей девочке не достанется еды. Я могу вынести ругань и издевательство, но обижать мою дочь... Я убью тебя, падаль! Перепилю глотку скребком! Он тупой, но если сильно нажать...

– Рома – грязь, рома – грязь, мама плеткой рому – хрясь! – злорадно пропели над самым ухом.

Сделав вид, что скоблю распяленную на плоском камне шкуру, я скосила взгляд. Тощие ноги в овечьих штанах топтались совсем рядом. Не боится... В самом деле, чего? Рабыня не смеет тронуть дочку хозяйки. Только ты зря так думаешь. Я не рабыня, мразь, я декурион «диких кошек»...

Удар локтем в бок вышиб из мелкой дух. Я поднялась и, сбив с ее головы шапку, вцепилась в волосы. Злючка, вдохнув воздух, завизжала.

– Мади! Мади³!

Я отвесила ей оплеуху, вторую. Вот тебе! Вот! Ее голова моталась из стороны в сторону, но, крепко схваченная за волосы, сарма не могла убежать и только орала, брызгая слю-

³ Мама! Мама! (язык сарм).

ной и кровью. Получи! Еще! Я тебе покажу лягушку беременную! Я вобью эти слова тебе в глотку на всю оставшуюся жизнь! Это тебе за меня! Это за Гайю! Будешь помнить!

– Акындай! Акындай!⁴

От домика, привлеченная криком, семенила на кривых ногах хозяйка. В руке она сжимала плеть. Я отпустила волосы маленькой злючки и пнула ее в тощий зад. Мелкая свалилась на песок и поползла прочь, дрыгая ступнями, обутыми в мягкие меховые сапожки. Это я хожу в сшитых из кусков кожи чунях. Схватив скребок, я повернулась к подбегавшей сарме. Будь что будет, но я не позволю себя бить! Пусть только попытается! Я ее убью! Ударю скребком в висок, размочу ей немытую голову о камень или вовсе перегрызу глотку. Наплевать, что будет потом! Я – «дикая кошка»!

Хозяйка, догадавшись о моих намерениях, замедлила шаг.

– Иди ко мне! – крикнула я. – Ближе!

Она закрутила плеткой над головой и оскалилась, показав гнилые зубы. Не подойдет. Бить будет издалека. В кончик ее плети вплетены кусочки железа, при ударе они обжигают даже сквозь кожу, из которой сшита моя рубаха. Плевать! Вытерплю!

Краем глаза я заметила, как застыли сармы, мои товарки по несчастью, чистившие шкуры. Бунт рабыни – невиданное дело. В стороне послышался конский топот, но я не повер-

⁴ Прекрати! Прекрати! (язык сарм).

нула голову. Незачем. Рядом с берегом, где скребут шкуры, проходит дорога, кто-то из сарм не удержался и решил глянуть на потеху вблизи. Неважно. Кто бы это ни был, но хозяйке не жить! Сдохнет! Я подставляю под удар руку, плеть обмотается вокруг нее, и я дерну. Сарма упадет к моим ногам, и я ударю скребком. Если выпустит рукоятку плети, то я перехвачу ее и верну хозяйке то, что она задолжала мне за эти месяцы...

Ударить сарма не успела. Всадник в алом плаще стремительно выскочил сбоку и на скаку высвободил ногу из стремени. Хозяйка повернулась, но лишь для того, чтобы поймать удар в лицо. Отлетев назад, она рухнула спиной в грязь. Всадник натянул поводья, спрыгнул и двинулся ко мне. Что ему нужно? Хочет наказать взбунтовавшуюся рабыню? И почему я думаю о нем: «Он»? Богиня-воительница! Я грежу?

Игрр – живой, здоровый, в багряной форме преторианца шел ко мне, хмуря брови. Великая, ты послала мне утешение? Видение, о котором я так мечтала? Сейчас эта сарма приблизится и достанет нож... Пусть! Я хочу умереть, видя его лицо!

– Аве, любимая!

Видение заключило меня в объятия, и я ощутила запах дорожной пыли, конского пота и железа – дух воина после долгой дороги. Сармы так не пахнут. Их мерзкая вонь забивает ноздри, вызывая приступ тошноты. Неужели?

Теплые губы коснулись моих губ; их забытый, сладкий

вкус всплыл из глубин памяти, заставив меня восторгнуться. Не может быть! Это явь, или я все-таки грежу?

– Это ты? – спросила я недоверчиво.

– Я! – засмеялся он. – Не сомневайся, sole⁵!

Это он! Во всем Паксе только Игрр зовет меня так. Он напевал мне эту песенку и говорил, что она популярна в его мире. Я отстранилась и глянула ему в лицо. Игрр! Запыленный, с почерневшим от солнца лицом и светлыми полосками тонких морщинок у краев глаз. Эти ранее не виденные мною морщинки заставили окончательно поверить.

– Любимый!..

Его лицо расплылось. В следующий миг меня крепко обняли. Я приникла к его груди, что-то бормоча. Сильная ладонь погладила меня по голове и соскользнула на спину.

– Не нужно, corculum⁶! Все позади. Я с тобой, и нас больше не разлучат. Успокойся, «кошка»! На нас смотрят.

Он отстранился, вытащил из моей руки скребок и зашвырнул его в реку. Я огляделась. Нас окружала толпа незнакомых сарм. Сидя в седлах, они смотрели на нас во все глаза. Юные, почти детские лица, потрепанные кожаные нагрудники, костяные наконечники копий. Это кто?

Одна из сарм, в ромский лорике и бронзовом шлеме-касметке, выехала из толпы и подала знак. Две всадницы соскочили на берег, подхватили под руки валявшуюся на земле

⁵ Солнце (ит.)

⁶ Сердечко (лат.)

хозяйку. Подтащили к нам.

– Зачем она шла к тебе с плетью? – спросил Игрр.

– Я побила ее дочь.

– За что?

– Та оскорбляла меня и швырялась грязью. А сегодня разбросала мою еду.

– Это, что ли? – Он ковырнул носком сапога лежавший в грязи ошметок. – Значит, били, кормили отбросами...

Ноздри его затрепетали.

– Разреши мне, тарго!

Сарма в лорике, прыгнув в грязь, вытащила нож. Разбитое в кровь лицо хозяйки перекопилось ужасом. Встав на четвереньки, она попыталась отползти, суча по грязи ногами, но у нее не вышло. Сарма схватила ее за волосы и оттянула голову назад, открывая горло. Хозяйка обреченно всхлипнула и закрыла глаза. Мерзко запахло испражнениями.

– Мади! Мади!

Побитая мной мелкая, прошмыгнув между лошадиными ногами, бросилась к матери и обхватила ее за шею. Сарма в лорике зашипела и попыталась ее оттащить, но мелкая вцепилась насмерть. Гайя в моем животе встрепенулась и ударила ножкой.

– Игрр! – попросила я. – Не нужно!

Он глянул хмуро и бросил сарме:

– Отпусти!

Та недовольно спрятала нож.

– Слушай меня, тварь! – Игрр шагнул к хозяйке. – Если хотя бы раз... Узнаю, что бьешь рабов, приду и лично выпущу тебе кишки. Обмотаю их вокруг твоей шеи и повешу. Ты поняла?

Хозяйка, хлюпающая кровавыми соплями, торопливо закивала.

– Едем!

Игрр подхватил меня на руки и отнес к лошади. Усадив на шею, запрыгнул в седло. Лошадка всхрапнула, ощутив на спине двойную тяжесть, но стронулась с места. Сармы окружили нас, взяв в кольцо. Я сидела, прижимаясь плечом к груди Игрра, и все не могла поверить, что это он. Однако мерное колыхание коня под нами, родное тепло и сильная рука, обнимавшая меня, говорили, что я не грежу. Гайя внутри умиротворенно шевельнулась, и я почувствовала исходящее от нее блаженство.

– Кто эти сармы? – спросила я Игрра, не столько стремясь узнать ответ, сколько желая слышать его голос.

– Моя охрана! – ответил он, и, заглянув ему в лицо, я увидела, что муж улыбается. – Ее, – муж указал на сарму в лорике, – зовут Амага. Первая красавица Степи!

Игрр произнес это на языке сарм. Я вспомнила, что и с хозяйкой он говорил на нем же.

Амага, услышав слова мужа, довольно осклабилась. Я едва сдержалась, чтобы не прыснуть. Игрр ничуть не изменился. Назвать красавицей эту страшенькую сарму мог только

он!

– А вот она, – муж указал на скакавшую обочь кварту, – Сани. Мой проводник и незаменимая помощница. Редкая умница!

Сани бросила на Игрра влюбленный взгляд и зарделась. В других обстоятельствах я бы приревновала, но сейчас только хмыкнула. Муж неисправим. Рассыпает комплименты направо и налево.

– Где ты их взял? Почему на тебе форма преторианца?

– Позже! – сказал он и чмокнул меня в висок.

Я догадалась, что он не хочет откровенничать при посторонних, и умолкла. По круто взбегавшей на берег тропе мы выбрались в город и шагом двинулись по улицам Балгаса. Встречные сармы, конные и пешие, расступались, пропуская процессию, после чего провожали нас взглядами. Ничего удивительного: где они могут увидеть пришлого? Мной овладела легкомысленное веселье, и я едва сдерживалась, чтобы не показать сармам язык. Этой мой муж, поняли? Он приехал за мной, а не к вам!

На улочках Балгаса было тесно, колонна растянулась, ехали мы медленно. Я вертела головой, разглядывая дома. Я не была в городе со времени, как меня сюда привезли. После встречи с Великой Матерью меня отвезли к реке и бросили в землянку, откуда разрешали выходить только работать и для отправления естественных потребностей.

Балгас не впечатлял. Застроенный из саманного кирпича,

он раскинулся на равнине, примыкавшей к реке, на севере подступая к подножию невысоких гор. Выходящие на улицу глухие стены домов, высокие заборы с прочными воротами из деревянных брусьев... Ворота здесь стоят почти так же, как дом: дерево в Балгас везут издалека, и оно ценится дорого. Крыши, покрытые тростником – его по берегам полно. Во дворах дымились очаги, пахло вареной бараниной и свежее испеченным хлебом. Желудок мой сжал спазм, и я вздохнула.

– Потерпи, любимая! – шепнул мне Игрр, догадавшись. – Скоро я тебя накормлю.

Очередная кривая улочка вывела нас в тупик. Саманные заборы и стены кончились. Высившийся по левую руку дом был сложен из тесанных каменных блоков, как и окружающий его забор. Он тянулся и по другой стороне тупика, отгораживая его от обрывистого берега. Сделано с умом: ночью не упадешь вниз. Массивные ворота, окованные железом, закрывали вход во двор. Кварта выскочила вперед, и, подскакав, постучала в них рукояткой плети. Створки качнулись и заскрипели, открываясь.

– Приехали! – сказал Игрр.

Он вытащил из сумки кожаный кошелек и протянул его Амаге.

– Здесь двадцать пять золотых ауреев или шестьсот двадцать денариев. Это больше, чем я обещал.

Амага оскалилась и схватила кошелек.

– Через две улицы – базар, там можно поменять золото на серебро и купить, что пожелаешь. Только торгуйся!

– Хо! – сказала Амага. – Я это умею. Меня не обманешь!

– За базаром – караван-сарай, – продолжил Игрр. – Остановись там. Вы мне еще понадобятся. С меня еще один такой кошелек, идет?

Он протянул раскрытую ладонь. Амага хлопнула по ней мохнатой лапкой, и сармы, подняв пыль на немощеной улице, с гиканьем умчались. Мы въехали во двор. Игрр спрыгнул на землю и снял меня с коня. Оказавшись на земле, я завертела головой, осматриваясь. Просторно. В отдалении конюшни, сарай, даже кузница. Да здесь турму можно разместить! Это кому в Балгасе выделили столько земли?

– Чей это дом?

– Дандаки, командира личной сотни верховной жрицы, – объяснил Игрр. – Она привезла меня в Балгас. Хотела тащить к Маде, но я отговорился, сказав, что грязный и потный. Не хочу в таком виде предстать перед Великой матерью. На самом деле хотел забрать тебя. Дандаки велела ехать сюда, сказав, что Сани знает дорогу. Сама отправилась для доклада. Сани сказала, как тебя отыскать, – он помолчал. – Кажется, я чуть не опоздал.

Я кивнула, подтверждая.

– Господин, баня готова! – сообщила подбежавшая кварта. Пока я осматривалась, она успела переговорить со слугами.

– Показывай! – велел муж.

Нас отвели к пристройке к дому. Из дыры в ее крыше струился дым. Мы вошли внутрь, и я ощутила запах горящих углей. Богатый дом: кизяком здесь не топят. Дрова в Балгасе стоят дорого. Мое предположение подтвердили стол и лавка из струганых досок и деревянная решетка на мраморном полу – чтобы не студить ноги о камень. У одной из стен горел очаг, над которым исходил паром медный котел. Сопровождавшие нас слуги сняли его с крюка и опорожнили в бочку с холодной водой. Кварта, пыхтя, втащила большую сумку.

– Спасибо, Сани! – поблагодарил Игрр. – Мы оставим тебе воды.

Кварта поклонилась и вышла. Игрр, усадив меня на лавку, стащил задубевшую от пота кожаную рубаху и зашвырнул ее в угол. Следом отправились штаны и чуни.

– Забудь эту рвань! – сказал, заметив мой взгляд. – Я меня есть для тебя одежда – в Малакке купил. Сани помогла выбрать. Я говорил, что она умница.

Пока я переваривала эту новость, Игрр разделся сам и подвел меня к бочке. Теплая вода из ковша полилась мне на голову и ручейками побежала по телу. Богиня-воительница, я успела забыть, какое это наслаждение – мыться горячей водой! Игрр, отложив ковш, принялся меня мылить, осторожно поворачивая, чтобы добраться до самых укромных мест. Его сильные руки нежно гладили мое тело, и я полностью отдалась их власти. Блаженство, прихлынувшее,

когда я оказалась на коне с мужем, вернулось и полностью овладело мной. Гайя внутри меня млела. Обдав меня теплой водой, Игрр повторил процедуру, после чего отвел меня к очагу и усадил на лавку – обсыхать. Я сидела и смотрела, как он моется. Выпуклые мышцы на его сильном теле мягко скользили под кожей. Богиня, как я по нему соскучилась! Игрр, заметив мой взгляд, подмигнул и, обдавшись, приблизился. Я увидела, что фаллос его вздыблен. Гайя предостерегающе шевельнулась.

– Игрр! – сказала я виновато. – Не получится. Гайя не хочет.

– Какая Гайя? – удивился он.

– Наша дочь. Она большая и все понимает. Мы с ней разговариваем – каждый день.

Он подумал, встал на колени и приложил ухо к моему животу. Гайя обрадованно ткнула ножкой изнутри.

– И в самом деле, разговаривает! – сказал муж, вставая.

– Что сказала? – заинтересовалась я.

– Что ее мама – самая красивая женщина в мире.

– А Амага? – сощурилась я.

– Амага – звезда Степи. А ты – первая в Паксе!

Я засмеялась: в этом весь Игрр – из любой ситуации выкрутится! Как я его люблю! Жаль, что не могу доказать это делом. Я виновато погладила его по руке.

– Не обижайся! В другой раз.

– Ничего! – кивнул он. – Больше терпел.

– Сколько?

Он глянул недоуменно.

– Сколько времени ты терпел?

– С тех пор, как ты ушла в поход.

– Это правда?

– Вита! – он положил руку на сердце. – Клянусь самым дорогим, что у меня есть – тобой и дочкой, у меня нет и не было другой женщины в Паксе.

Мир вокруг меня стал зыбким. Сильные пальцы ласково отерли слезы с моих щек. Я зашмыгала носом, приходя в себя. Пока я занималась этим, меня обрядили в тунику из сукна, натянули на ноги вязаные чулки, набросили теплую меховую рубаху и втиснули в такие же штаны. Довершили наряд мягкие сапожки – удобные и теплые.

– Это чтоб не замерзнуть, – объяснил Игрр. – Ночами здесь холодно.

Закончив меня наряжать, он надел новую форму преторианца, которую достал из сумки. Мы вышли во двор. Ожидавшая за дверью Сани отвела нас в дом. Там нас сразу усадили за стол. Сани убежала мыться, а мы набросились на еду. Первым делом я схватила хлеб. Ломая его, пихала куски в рот и давилась, прожевывая. Богиня-воительница, как вкусно!

Игрр придвинул мне чашу. Я отхлебнула – вино! Божественно! Утолив, наконец, голод, я подняла взгляд и увидела, что Игрр смотрит на меня, уперев подбородок в сложенные кулаки. Конечно! Я так жрала!

– Ты похорошела, – неожиданно сказал он. – Тебе идет эта стрижка.

– Меня обрили наголо! – фыркнула я. – Чтобы все видели, что рабыня.

– Волосы отрастут, – успокоил он. – Но с короткими ты смотришься моложе лет на десять.

– Хочешь сказать, что мне одиннадцать? – засмеялась я.

– Почти, – улыбнулся он.

– Лучше расскажи, как жил? – строго сказала я. – Почему оказался здесь?

Не надо про красоту! Сама знаю, как выгляжу. Огромный живот и покрасневшие от воды и шкур руки с обломанными ногтями и шелушащейся кожей. На спине – шрамы от плети. Во время мытья Игрр их трогал пальцами и тихо ругался на своем языке – думал, что не пойму. Но я эти слова знаю: не один месяц с ним.

– Начну с грустного, – вздохнул он. – Дома у нас нет – забрали за долги.

Я кивнула – примерно этого ожидала.

– Отбирать явилась лично Лавиния, прихватив нотариуса и храмовую стражу. Я сказал, что выплачу долг, но она не согласилась. Заявила, что раз ты в плену, то дом – выморочное имущество. Нотариус подтвердила.

– Меня предала Октавия! – сказала я. – Сообщила о маршруте турмы «фармацевта», а те – сармам.

– Значит, и фармацевты завязаны? – нахмурился он. –

Плохо. Я думал: только Октавия. Если тебя это утешит, о ее предательстве знают. Тетке – кранты. Перед моим отъездом ее собирались судить.

– Что Лавиния? – вернула я Игрра к началу. Октавия не убежит. Если не осудят – сама разберусь. «Кошки» предательства не прощают. А вот про дочь понтифика интересно. С чего она приходила к мужу?

– Лавиния хотела меня забрать, – подтвердил мою догадку Игрр. – Кричала про контракт, который, дескать, тоже имущество. Пришлось предъявить твой пергамент – вовремя ты его подписала. Нотариус подтвердила, что контракт прекращен, Лавиния не согласилась. Пыталась натравить на меня стражу. Вмешались Лола с «кошками». Они пришли сообщить о твоём пленении. Я собрал вещи и пошел, куда глаза глядят.

– Мог к Ниобе. Она моя сестра.

– Она звала! – кивнул Игрр. – Но я не захотел.

На сердце у меня стало тепло. Ниоба непременно полезла бы к мужу в постель. И в Балгас не отпустила бы. Зачем ей соперница?

– Словом, брел я, брел и забрался в квартал сукновалов. Там снял комнату в харчевне...

Я покачала головой. Эх, занесло! Из всех трущоб Ромы это самая отпетая.

– Днем бегал по знакомым – пытался добиться, чтобы тебя вызволили. Мне сочувствовали, но говорили, что безна-

дежно. Попытался пробиться к Флавии – стража не пустила...

Я опустила взгляд и стала отщипывать кусочки от уцелевшего ломтя хлеба. Не хочу, чтоб он видел слезы в моих глазах.

– Тем временем меня разыскала Касиния. Позже выяснилось: Октавия велела меня убить.

– За что? – не сдержалась я.

– Во время ссоры с Лавинией я пообещал сучку зарезать. Кинжал держал у нее вот здесь, – Игрр ткнул себя в горло. – Мамочка обиделась... Но я этого не знал. Касиния не решилась напасть сама. Нашла преторианок, подпоила их и сказала, что знает лупу, который берет дешево. Привела их в харчевню. Я как раз за столом сидел. Одна из преторианок подошла, кинула на стол золотой и потребовала идти с ней.

– А ты?

– Послал ее. Она обиделась и схватилась за меч. Я выкрутил ей руку и пнул в зад. Тут остальные за железки схватились. Набежали вигилы, и нас разняли. Преторианка, которую я ударил, потребовала поединка.

– И ты согласился?

– Ага! – кивнул он. – Злой был.

– Игрр!.. – вздохнула я.

– Знаю, что дурак, – кивнул он. – Мне это позже разъяснили. Но дело сделано – пошел в амфитеатр.

– Тебя могли убить! Кто бы меня спас?

Я всхлипнула. Он положил руку мне на ладонь.

– Не плачь, sole! Меня не так легко убить. Преторианка (ее, кстати, Пугио зовут) считалась лучшей мечницей в когорте, отсюда и кличка. Она очень старалась, только я, девочка, из другого мира. Приемы, которым вас учат, мы забыли давным-давно. Появилось другое оружие, другие навыки. Я не великий боец, но знал, что с девчонкой справлюсь.

– Ты ее убил?

– Нет.

– Почему?

– Оказалось, что она дочь трибуна.

– Валерии Лепид?

Он кивнул. Я только руками развела. Только мой муж умеет так вляпаться! У него к этому просто дар. Поссориться с влиятельной нолой Рома! Ему нельзя без присмотра!

– Что дальше?

– Ничего. Набился полный амфитеатр, даже принцепс пришла, мы с девчонкой чуток побегали, я свалил ее подножкой и пережал ей сонную артерию. Она отключилась.

– А потом?

– Шлепнул ее по заднице. Я пообещал принцепсу отшлепать нахалку – пришлось сдержать слово.

Я не выдержала и засмеялась.

– Кстати, я хорошо заработал на том поединке, – продолжил он. – Ставки были против меня, и я поставил все, что имел. Выиграл кучу золота. Когда вернемся в Рому, будет, на что жить.

– Если не будешь раздавать ауреи сармам.

– Я взял с собой всего сотню. В казне претория – еще полтысячи.

– Почему в претории?

– После поединка я записался в когорту.

Я всплеснула руками. Нет, с Игрром не соскучишься! Добровольно сунуться к озабоченным женщинам!

– Они не приставали! – сказал он, поняв мой жест. – Валерия пообещала, что любую, кто попытается, прикажет высечь и выбросить за ворота.

– С чего так?

– В благодарность за дочку. Я мог убить Пугио.

– Почему в преторианцы?

– Кассиния не могла меня там достать.

– И как ты служил?

– Как все, – пожал он плечами. – Ходил строем, метал пилум и колол гладием, строил полевой лагерь, спал в казарме.

Я глянула на него в упор.

– Не было ничего! – засмеялся он. – Кстати, меня определили в контуберний к Пугио. Валерия объяснила: это в наказание дочке. Та опозорила преторий. В пьяном виде приставала к мужчине, с позором проиграла в поединке...

– Пугио могла превратить твою жизнь в ад.

– Мы с ней подружились, как и с остальными девочками.

Я глянула с подозрением.

– Ты кормил их и гладил им спины?

– Один раз, – смутился он.

Все ясно. Еще бы не подружиться! Странно, что спали они порознь. Преторианки своего не упустят!

– Что дальше?

– Через два месяца пришел черед контуберния охранять Палатин. Я рассчитывал, что Флавия меня заметит и пригласит к себе. Так и вышло. Мы беседовали у нее в спальне (Гайя в животе недовольно повернулась), как вдруг явилась эта чучундра.

– Какая чучундра? – не поняла я.

– Касиния! Позже выяснилось: Октавия послала ее убить Флавию. Сама захотела стать принцепсом. Касинии удалось пробраться внутрь...

– Она служила ликтором и знает ходы и выходы во дворце, – поспешила я. Игрр кивнул.

– У нее не вышло. В спальне оказался я, затем прибежала Пугио. Она ранила Касинию в ногу, затем ввалилась стража, и мы скрутили мерзавку. Лаура допросила ее, Касиния рассказала о заговоре. Это последнее, что я знаю. Назавтра в преторий пришла Помпония и сообщила, что ты жива. Мада через купца передала, что отпустит тебя, если приеду. И вот я здесь! – Игрр развел руками.

Я покачала головой. Так легко он не отделается. Я выясню, откуда появилась эта «звезда степей»!

– А Амага?

– Встретилась по пути.

Я хмыкнула: темнит.

– Она зовет тебя «тарго». Это означает «вождь», – сказала я. – Вождю клянутся на крови. Это было?

– Они притащили козла, зарезали и мазали лица кровью, – подтвердил Игрр. – А вот зачем, я не вникал.

Я вздохнула. Муж или не понимает, или притворяется. Я не знаю случая, чтобы сармы признали мужчину «тарго». У них самцы в роли скота. Ценного, но бесправного.

– Расскажи, что было до клятвы! – потребовала я. – Подробно!

– Да нечего рассказывать! – удивился он. – До Малакки нас проводили твои «кошки». Дальше ехали с Сани. В двух днях пути от Малакки нас ожидала сотня Дандаки. Только мы до нее не добрались – наткнулись на Амагу с ордой. Позже выяснилось: они шли в набег.

– И?

– Поначалу они обрадовались. Амага стала кричать: «Добыча! Добыча!», имея в виду меня. Я объяснил, что она не права...

– Как? Подрался?

– Предложил, но Амага не захотела. Решили бороться. Она обрадовалась – кричала, что лучшая в орде, – Игрр усмехнулся. – Я дважды свалил ее, и Амага обиделась. Тогда я подарил ей лорику, шлем и пообещал заплатить, если проведет нас в Балгас. В пути она ела с нами, я учил ее бороться, так вот и подружились.

Я покачала головой: не договаривает. За это «тарго» не изберут. Он ответил мне невинным взором. Все равно докопаюсь!

– А Дандаки? – напомнила я.

– Догнала нас через несколько дней. Хотела убить Амагу, но я объяснил, что она не права...

Я не выдержала и рассмеялась. Игрр неисправим! Теперь все ясно. Игрр спас орду от верной смерти. Личная сотня Мады – лучшие бойцы Степи. Амагу с ордой вырезали бы, как кур. Не удивительно, что орда признала Игрра вождем. А он им еще деньги дарит...

– С Дандаки тоже боролся?

– До этого не дошло. Сказал, что наябедничаю Великой матери. Дескать, сама потеряла меня в Степи. Дандаки оставила орду в покое. Даже разрешила сопровождать меня.

– С ней тоже подружился?

– Ага! – кивнул он.

– Кормил ее?

– Скорее, она меня. В день, когда убили тура, притащила мне вареное сердце.

Я насторожилось. Сердце убитого тура подносят почетным гостям. С чего это – Игрру?

– Что ты сделал для нее?

– Ну... – Игрр почесал в затылке. – Если кратко, спас дочь.

– Как?

– Сотня загнала бычка в реку, сармы полезли выгонять, а тот боднул коня рогами. Бимжи упала в воду и захлебнулась. Я нырнул и вытащил.

– Мертвую?

– Утопшую. Но я медикус, и нас учат, как действовать в таких случаях. Я выдавил воду из легких, сделал искусственное дыхание и массаж сердца. Бимжи очнулась.

– Поэтому Дандаки предоставила нам дом и велела всячески ублажать?

Он пробарабанил пальцами по столу. Я не отводила взгляд. Игрр вздохнул:

– У нас с ней договор.

– О чем?

– Я помогаю Бимжи стать Великой матерью, а она нам – вернуться в Рому. Вместе.

Я умолкла, ошеломленная. Что Мада умирает, я знала. Рабыни постоянно об этом судачили. Они рассчитывали, что новая жрица освободит их. Я не могла на это надеяться – я ведь рома. Вечерами рабыни спорили, обсуждая претендентов. Большинство считало, изберут дочь вождя Красной орды Саруки. У той самое многочисленное войско. Но и Дандаки вспоминали. Одна из рабынь, служившая в храме (попалась на воровстве и была продана в рабство), поведала, что дочь сотницы – кровная сестра Мады. Она – бесспорный претендент, но при одном условии...

– Ты пообещал Дандаки переспать с Бимжи?

Он кивнул.

– Почему ты смущаешься?

– Не знаю, как отнесешься к этому ты.

Я выдохнула воздух. Он что, притворяется?

– Помнишь, я собирала деньги на твой контракт, и нам не хватило?

Он кивнул.

– Эмилия заняла нам денег, оговорив, что ты станешь отцом ее внучки. Я согласилась.

– Тогда мы не были женаты.

– И что?

– После свадьбы ты стала ревнивой.

– Да! – подтвердила я. – Я была такой. В первый месяц в плену я ревновала тебя до безумия. Воображала, как ласкаешь других женщин, пока я скребу шкуры, и очень злилась. Потом успокоилась... Когда руки заняты, хорошо думается – голова свободна. Я вспомнила, что ты сделал для меня. Как взял на себя выплату моих долгов, трудился с утра до вечера. Как кормил и ласкал меня, носил на руках, наконец, взял в жены. Первую нолу за тысячу лет! Я поняла, что прогневила Богиню, изнуряя себя подозрениями, и она наказала меня, отдав во власть сарм. Я решила, что ты имеешь право на счастье. Я мечтала увидеть тебя. Увидеть – и более ничего. Но я не хотела, чтобы ты приезжал. Мада, разговаривая со мной, сказала, что пленила меня с одной целью: выманить тебя в Балгас. После того, как ты забрал меня от хозяйки, я мучи-

лась мыслью, что мы расстанемся. Я уеду, а тебя оставят, и мы больше не увидимся. Я боялась, что ты это скажешь. Оказалось: ты договорился с Дандаки. Ей можно верить?

– Она заинтересована, чтобы я исчез. Других пришлых в Балгасе нет. Бимжи станет единственной, забеременевшей от человека, и другие претендентки отвянут.

– Значит, мы сможем вернуться в Рому. Я рожу Гайю, и мы заживем, как прежде. Не важно, что нет дома, пусть будет комната в инсуле. С тобой я буду счастлива даже в палатке. Думаешь, я возражу против Бимжи? Да я сама отведу тебя к ней и прослежу, чтобы ты все сделал правильно. Только попробуй увильнуть!

Он захохотал. Я шмыгнула носом.

– Мне здорово повезло с тобой, – сказал он, отсмеявшись. – Честное слово! Красивых женщин в РOME полно, а вот таких умных...

Через мгновение я сидела у него на коленях, и мы говорили, перебивая друг друга... О чем? Вам это не интересно. Нам было хорошо. Жаль, что явилась Дандаки...

6.

Игрр, преторианец. Разъяренный

Встречные сармы провожали нас долгими взглядами.

– Зачем ты нацепил эти тряпки? – проворчала Дандаки. –

В Балгасе прежде не было преторианцев. Мы их даже в плен не брали.

– Трибун велела, – объяснил я.

– Валерия?

– Ты ее знаешь? – удивился я.

– А где, по-твоему, я потеряла это? – Дандаки коснулась пальцем затянутой веком глазницы. – Три года назад орда под моим началом стояла под стенами Румы как раз напротив когорты претория, и я знала, кто ею командует. У нас есть свои люди в Руме.

– Это вам не помогло! – хмыкнул я. – Вломили от души.

– Мы не остались в долгу! – буркнула сотница.

– В той битве погибла мать Виталии, – согласился я, – а сама она, как и ты, едва не потеряла глаз. Шрам на ее лбу – след моей операции. У меня вопрос: стоило ли сражаться? Кто победил в той битве, Дандаки? Сармы, потерявшие тысячи воинов и бежавшие обратно в Степь, или рома, отстоявшие свой город?

– Это Валерия велела тебе спросить? – сощурила глаз сотница.

– Сам додумался.

– Да ты, как я вижу, стратег! – хмыкнула Дандаки. – Странно, что при этом всего лишь преторианец. Что ты делаешь в когорте, Игрр? Или у Ромы кончились нолы? Ваша принцепс призвала на службу мужчин?

Дандаки смотрела хмуро, и я одернул себя: с чего задираюсь? Разговаривать нужно о другом. Сотница – мой союзник в Балгасе.

– Что тебя тревожит, Дандаки?

Он бросила взгляд исподлобья. Подумала и вздохнула.

– Плохие вести, Игрр! В Балгас прибыли вожди Красной, Синей и Белой орд. У каждой – тысячи воинов.

– Не заметно! – сказал я, привставая на стремянах и крутя головой.

– Обычай запрещает вводить в Балгас войска. Это священный город. Вождю дозволено иметь охрану из сотни воинов. Остальные должны оставаться за стенами. Но три вождя – это три сотни. Достаточно, чтобы захватить власть.

– Если сговорятся.

– Думаю, это произошло, – сказала Дандаки. – Мне донесли, что вожди Синей и Белой орд ежедневно гостят у предводительницы Красной орды. Ее зовут Саруки. Они едят, пьют кумыс и бьют в бубны. Не знаю, о чем они сговорились, но, опасаясь, что Саруки добилась согласия вождей.

– Хотят провозгласить ее дочь Мадой?

– Верховную Мать избирают жрицы. В жилах дочки Сару-

ки – людская кровь, но она потеряла право стать Мадой. Путалась с сармами и успела трижды родить, – Дандаки плюнула. – Но за Саруки – сила...

«Тысячи воинов...» – вспомнил я.

– Великая Мать знает?

– Маде известно все! – подтвердила Дандаки. – Она самая мудрая в Паксе. Покойный Луций ее многому научил. Когда они правили Степью, сармы боялись голову поднять. Но Луций умер, а теперь пришел черед Мады... – лицо сотницы погрузнело.

– Когда у Бимжи Дни? – спросил я.

– Сегодня или завтра.

– Нам нельзя терять времени.

– Игрр! – Дандаки сжала мое запястье. – Не получится.

Мада пожелает оставить тебя себе, она так и сказала. Тебя поместят в храм, а туда нет хода никому, кроме жриц. Дни у Бимжи пройдут, а ко времени следующих Мады не станет. Степь возглавит Саруки. Она казнит Бимжи – и меня вместе с ней. Саруки не нужны соперницы.

– Сделай так, чтоб я воротился в твой дом.

– Мада не разрешит.

– Заставь!

– Как?

– Дандаки! – выверился я. – Кому из нас грозит смерть – мне или тебе? Кто возглавляет личную охрану Великой матери – ты или я? Мне объяснить, что в сложившейся ситуа-

ции годятся любые средства?

– Предлагаешь убить Маду? – поразилась Дандаки.

– Если понадобится.

– Это невозможно! – вспыхнула сотница. – Мы с Мадой вместе росли – наши матери были родственницами. В то время ее звали Тамар, что означает «стрела» – она была смелой и быстрой. Став жрицей, Тамар, по обычаю, сменила имя. Во всей Степи только одна сарма имеет право зваться Мадой. Моя дочь и Тамар – сестры. Я приносила клятву на крови. Нарушить ее – навлечь гнев богини...

– Маду мучают боли? – перебил я.

Дандаки кивнула.

– Сильные?

– Если жрица опоздает с питьем, Мада кричит.

– Проще говоря, умирает в мучениях. А теперь скажи: если б твоя дочь уходила в страданиях, ты оказала бы ей милость?

Дандаки насупилась.

– Ты ненавидишь Маду! – сказала, подумав.

– Она приказали высесть Виталию и отдала ее в рабство.

Там жену били и кормили отбросами.

– Она – рома, следовательно – враг!

– Обычай запрещает наказывать беременных. Враги – не исключение. Будущая жизнь – свята, мать нельзя истязать.

– Ты много знаешь! – удивилась Дандаки.

– Я учил ваш язык, говорил с твоими воинами. У меня

есть Сани, не единожды бывавшая в Балгасе и хорошо знающая ваши обычаи. А теперь скажи: как поступают с мучителями беременных?

– Ломают спины! – буркнула сотница.

– Если хочешь, я сверну Маде шею. Или пережму ей жилу на шее. Я медикус, и знаю как. Она умрет без мучений.

Дандаки засопела.

– Игрр! – сказала тихо. – Не вздумай! Закон запрещает убивать мушей, но я не поручусь за своих воинов. Тебя поднимут на копья!

– А ты с Бимжи потеряешь жизнь! Так что думай!

Дандаки просверлила меня взглядом и умолкла. В конце улицы показался храм, и я порадовался возможности отвлечься. На душе было сумрачно. Иногда я пугаюсь собственных мыслей. Это я, Игорь Овсянников, в недавнем прошлом участковый терапевт, размышляю о дворцовом перевороте? Вербую сторонников, составляю проскрипционный список и предлагаю убить жрицу? Хорошее занятие для врача, чьей главной заповедью считается «не навреди»! С другой стороны, как быть? Пакс живет другими законами. Остается следовать им либо умереть. Если у Саруки получится, Виту убьют. Сармам она враг. Мада сохранила Виталии жизнь, но Саруки этого не обещала. Для нее Вита – что пыль на сапоге. А как же Гайя, тронувшая ножкой живот матери, когда я приложил к нему ухо? Я не увижу свою дочь? Не возьму ее на руки, не коснусь губами теплого лобика? А вот

хрен вам! Понадобится – порву Балгас на ленточки. Сожгу, вырежу и вытопчу! Хотите видеть меня игрушкой в шатре победителей? А ху-ху не хо-хо?! Кровью умоетесь! Поняли?!.

Храм приблизился. Величественное здание, сложенное из обтесанных каменных блоков, возвышалось над унылой застройкой города. Убегающие ввысь стены, двускатная крыша, крытая позеленевшими от времени листьями меди. Очень похоже на храм Богини-воительницы в РOME, только тот круглый.

– Кто это строил? – удивился я.

– Рома, – отозвалась Дандаки. Похоже, она обрадовалась поводу сменить тему. – Два века назад Степь пошла в набег и захватила город людей. Там жили мужчины, женщины, дети и старики. Всех увели в Балгас. Среди мужчин оказались каменщики. Им обещали свободу – вместе с семьями, если возведут храм. Люди согласились.

– Сармы выполнили обещание?

– Да! – кивнула Дандаки. – Великая мать клялась. Но из тех пленников вернулись немногие. Храм строили двадцать лет. За это время часть людей умерли, другие прижились и не захотели обратно. Балгас ценит ремесленников, пришлый, мы им хорошо платим. Мой дом сложили люди. Было это давно. За века люди растворились среди нас, и мы потеряли умельцев. Сармы не умеют работать с камнем.

«Перенять ремесло было влом? – подумал я. – Приставить

к людям учеников, платить за обучение? Веселее скакать на конях и махать железками? Вы такие же ушлепки, как и Рома, выселявшие людей в резервации и бравшие с них налог кровью. У вас был шанс. Следовало привлечь людей к управлению, дать им государственные посты, позволить изменить строй. Они преобразили бы Степь. Не Рома, а Балгас диктовал бы правила в Паксе. Но вы посчитали это лишним, поэтому вымираете, как и Рома. Ну, и хрен с вами! Сами виноваты! Вот вытаску Виту и укачу с ней в Россию! Костями лягу, но добыюсь! Плевать, что скажут о ее хвостике! Он мой, а не их!»

Улица вывела нас к храму. Вокруг здания не было ограды. Я глянул на Дандаки, она поняла.

– Никто не смеет войти сюда без дозволения! – сказала напыщенно. – На дерзкого обрушится гнев богини!

Я только головой покачал. Сколько раз люди в надежде, что храм защитит, прятались в них. И что? Враги врываются, вытаскивали наружу и убивали. Бывало, резали прямо внутри, заливая алтари и священные предметы кровью. И делали это не варвары, а единоверцы! «Цель оправдывает средства!» Это высказывание приписывают иезуитам, но они лишь сформулировали то, что применяли за тысячелетия до них...

Подскочившая стража увела наших коней. Мы с Дандаки, обогнув храм, вошли в дверь красивого каменного дома, украшенного резным фризом и колоннами. Ну, да, резиден-

ция...

Женщина, полулежавшая на широком ложе с высокой, изукрашенной бронзой спинкой, умирала. Осунувшееся лицо с заострившимися чертами, серая кожа. Но главным признаком был тяжкий дух умирающего тела. В больницах его заглушают запахи лекарств, но он чувствуется, если над умирающим склониться. Здесь запах шибал в нос.

– Подойди! – велела Мада.

Голос ее звучал слабо, но властно. Я подчинился.

– Хорош! – заключила жрица, завершив осмотр. – Молод, силен, здоров. Красив... Не хуже Луция. Только тот был умнее. Он не поехал бы к врагу.

– Даже из-за тебя?

– Ты дерзок! – насупилась жрица. – Но я отвечу на твой вопрос, пришлый. Луций не сделал бы это даже из-за меня.

– Мне говорили: он тебя любил...

Дандаки за спиной сдавленно охнула.

– Что ты понимаешь! – прошипела жрица. – Любовь не в том, чтобы погибнуть из-за женщины. Важнее остаться в живых и отомстить обидчику. Луций так и поступил бы.

– Почему вы воюете с рома?

За моей спиной выругались. Вполголоса, но достаточно громко, чтоб я услышал.

– В Паксе полно земель, – как ни в чем не бывало, продолжил я, – хватает источников вод. Можно прокормить стада, много большие, чем есть у сарм. Зачем война? Куда разум-

нее торговать. Все равно этим занимаетесь. Вам нужны зерно, рыба, металлы и оружие, рома не хватает скота и кож. Но из-за того, что мира нет, вы отдаете свое дешево, а чужое покупаете дорого. Сами создаете условия, из-за которых вам плохо. Почему? Объясни это мне, глупому!

Мада рассмеялась – негромко и хрипло.

– В твоём мире нет войн?

– Мы не преуспели в этом, – сознался я. – Но у любой, даже маленькой войны, существует причина, пусть даже абсурдная. Здесь ее нет.

– Ты в Паксе недавно, – сказала жрица, – но уже берешься судить. Слушай, пришлый! Под моим началом тысячи сарм. В год их сажают на коня и учат воевать. Они растут на песнях, прославляющих воинов. Убить врага, завладеть его мужчинами и имуществом – высшая доблесть для сарм. Стоит запретить войну с рома, как они примутся резать друг друга. Степь ослабеет, и с ней покончат. Ты этого добиваешься?

Я покачал головой.

– Тогда прекрати говорить глупости! – сказала жрица. – Тебя не за этим привели. Дандаки сказала, что ты медикус. Осмотри меня!

Подбежавшие служанки раздели Маду. Я заткнулся и приступил к обследованию. Света, падающего из окошек, было мало, но мне хватило. Признаки, как в учебнике. Неоперабельная меланома в заключительной стадии.

– Ну? – спросила жрица, после того, как ее одели.

– Дней десять! – пожал я плечами. – От силы двадцать.

После чего ты умрешь.

– Значит, вдохни в меня жизнь!

– Я не умею этого.

– В Бимжи вдохнул!

Мада нахмурилась. М-да... Доложили.

– Бимжи нахлебалась воды, и я сделал ей искусственное дыхание. Я не шаман и не воскрешаю мертвых. Тебя не спасут даже в моем мире, где такие болезни лечат. Слишком поздно.

Мада глянула мне в глаза. Я не отвел взгляда.

– Не врешь! – со вздохом сказала жрица. Она подумала и поманила Дандаки. Та с готовностью подскочила.

– Он говорил с тобой обо мне?

– Да, великая!

– О чем?

– Предлагал тебя убить!

Я едва сдержал ругательство. Зараза! Сдала! А я держал ее за союзника...

– Он объяснил: это избавит тебя от мучений! – добавила Дандаки.

– И расчистит дорогу твоей дочери, – усмехнулась жрица. – Ты заключила с ним договор?

– Да, великая! Но... – Дандаки побледнела. – Только в случае, если ты сама...

– Что пообещала?

– Позволить ему уехать с самкой.

– Поэтому он торопится, – хмыкнула жрица. – В Балгас прибыли вожди. Они ждут моей смерти, чтобы самим вы-брать Маду. Если у них выйдет, пришлому не сдобровать. Его потащат в дома победительниц, а самку, которую он любит, зарежут. Пришлый глуп, как я и думала. Пытаться уговорить мою сотницу...

Жрица умолкла и задумалась. Это длилось долго. По лицу ее скользили тени. Это заставляло меня ежиться. Дандаки рядом и вовсе не дышала. Наконец, Мада тряхнула головой.

– Много лет ты была моей тенью, Дандаки. Оберегала, хранила... Отказалась убить меня даже ради дочери. Мы с тобой родственницы, а Бимжи – дочь Луция. Ты заслужила награду. Бимжи станет Великой матерью.

– Великая!

Дандаки рухнула на колени и попыталась лизнуть руку жрицы, но та с раздражением ее оттолкнула.

– Бимжи не унаследовала ума Луция, но у нее есть ты. Вы зажмете Степь в кулак. Бимжи нужен муш: здоровый и сильный. Человек. Он даст ей дочерей, и за мантию Мады не будет спора. Поняла?

– Да, Великая! – кивнула сотница.

– Он остается в Балгасе! – Мада указала на меня. – Самку отправь в Рому: я дала слово.

– Моего мнения не спрашивают? – вмешался я. – Или я

тут для мебели?

– Ты глуп, муш! – нахмурилась жрица. – Чем ты недоволен? Бимжи молода, красива и даст тебе то, чего не будет в РOME. Ты ведь рядовой легионер? – она ткнула пальцем в мой плащ. – Это все, чего выслужил? Здесь тебе будут лизать руки. Вожди встанут перед тобой на колени. Муш Мады не простой человек, он отец ее детей. Что тебе дали рома? Кто обманом заманил тебя в Пакс? Кто продавал тебя в амфитеатре, как раба? Не удивляйся, пришлый, я многое знаю. После того, как твоя самка попала в плен, тебя выгнали из дома и пытались убить. Тебе сказали, что мы дикари? Ты сам видел Балгас. Разве мой город – это палатки из шкур? Почему мы беседуем с тобой на латыни? Я удивлю тебя больше: мы умеем писать. У нас есть школы, где учат детей. Не всех, но грамотные сармы не редкость. В наших домах тепло, имеются бани. Наши обычаи крепче законов Ромы. По крайней мере, их соблюдают. Тебе предлагают править Степью, войти в наши легенды, как вошел в них Луций, а ты упираешься, как бык на бойне!

– Я хочу вернуться в свой мир! – сказал я.

– Не говори глупости! – нахмурилась Мада. – Что тебе там? Те, кому там хорошо, сюда не едут. Не зли меня! Делай, что велят!

– Я подумаю! – сказал я.

– Сколько угодно! – пожалала плечами Мада. – Думать не запрещается даже рабам. Только хозяевам на это плевать. Как

я решила, так и будет! Отправь его обратно! – повернулась она к Дандаки. – Сама останься! Нам нужно многое обсудить. Для начала соберем жриц и объявим им о моем решении...

Мада хлопнула в ладоши. Набежавшая стража вытолкала меня наружу. Мне удалось выразить свое отношение, плюнув в сторону резиденции, но этого, кажется, никто не заметил. Или сделали вид, что не заметили. Мне подвели коня и отправили под конвоем. Вот и все. Недолго музыка играла, недолго фраер танцевал. Договорился, называется...

Виталия, возлюбленная. Собранная

Игрр вернулся скорей, чем я ожидала. Я вообще опасалась, что его оставят: Мада заманила Игрра в Балгас не затем, чтобы отпустить. Поэтому, услышав родной голос, обрадованно поспешила навстречу.

– Не здесь! – остановил он меня и стал оглядываться.

Я взяла его за руку и отвела в спальню. Я – «дикая кошка», и всегда осматриваю место возможной битвы. Чего бы ни обещала сотница, она сарма. Верить ей – не уважать себя. Пока Игрра не было, я осмотрелась в доме. Изучила двор, заглянула в конюшни и сараи. Сопровождавшая меня Сани давала пояснения. Нам не препятствовали: видимо, указаний на этот не оставили.

Дом сотницы строили люди, но по обычаям сарм: много комнат, и каждая с дверью. Балгас лежит к северу от Румы.

Зимой здесь холодно, а комнату проще согреть, поставив жаровню и закрыв дверь. Жаровню просить мы не стали. Я заправила за нами дверь, Иггун взял меня на руки и уложил на ложе. Правильно! Ложе здесь высокое, как у рома, но ступенек нет. Сама бы не взобралась. Другой мебели, даже лавки, в спальне не наблюдалось. Стащив с меня сапожки, муж сбросил свои и примостился рядом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.